

монастырь Раифский Богородицкий монастырь Раифский
ежегодное православное издание

2018

Одобрено Синодальным
информационным отделом
Русской Православной Церкви.
Свидетельство N 167
от 6 октября 2011 года

О+

По благословению
митрополита
Казанского и Татарстанского
ФЕОФАНА
(Ашуркова)

Раифский АЛЬМАНАХ

**Учредитель
и издатель:**

православная религиозная организация
Епархиальный Раифский
Богородицкий мужской монастырь

Главный редактор:

О.М. Крестина

Адрес редакции и издателя:

422537, Раифский монастырь,
п. Раифа, Зеленодольский р-он, РТ

E-mail: raifa@raifa.ru

<http://www.raifa.ru>

Тел. (84371) 3-47-59

Г Л Я Н Я Я

Т Е М А

выпуска 2018

«Раифского Альманаха» —
350-летие с момента
принесения чудотворного
списка образа
Божией Матери
«Грузинская»
в Раифский Богородицкий
мужской монастырь

1

наследие

**Икона
Пресвятой
Богородицы
«Грузинская»
известна
с 1661 года**

Одигитрия

3

эскизы

2

источники

4

трепет

**И трепет в ней,
и сила вдохновенья!
Пред ликом сердце
в сладостном огне...
Икона – человеческих
рук творенье –
Запечатлела дух
на полотне.**

Л. Голубицкая-Басс

5

Голубицкая

П
ЯНОВСКИЙ ЗОЛОТОДНИК
РУЖОКОВЪ ЯНОВСКИЙ

фото Фарита Губаева

Раифский Богородицкий монастырь

**ГРУЗИНСКАЯ ИКОНА
БОЖИЕЙ МАТЕРИ:
история извода
чудотворного образа
до принесения в Раифу**

стр. 10-25

1

наследие

райфский Богородицкий мужской монастырь
ицкий мужской монастырь Райфский Богороди

настырь Райфский Богоро
Богородицкий мужской мо

Наследие
ГРУЗИНСКАЯ
ИКОНА БОЖИЕЙ
МАТЕРИ:
ИСТОРИЯ ИЗВОДА
ЧУДОТВОРНОГО
ОБРАЗА
ДО ПРИНЕСЕНИЯ
В РЯИФУ

Мария Маханько,

кандидат
искусствоведения,
старший редактор
редакции Церковной
археологии и искусства
Церковно-научного
центра «Православная
энциклопедия»
(г. Москва)

Как святыня Раифы, монастыря близ Казани, Грузинская икона Пресвятой Богородицы известна с 1661 года. Но как вариант константинопольской святыни, чудотворной и почитаемой иконы Одигитрии, покровительницы императоров и их столицы, она живет в христианской иконографии с гораздо более раннего времени.

Чудотворная икона Божией Матери «Грузинская (Раифская)»

УДИТЬ о точном моменте появления и прославления подобного извода очень сложно. Исследователи считают, что извод будущей Грузинской иконы был прославлен в Древней Руси под именем Гефсиманской-Иерусалимской, чей извод является зеркальным: Богоматерь держит Младенца не на левой, а на правой руке, склоняется к Нему головой, а Он сидит, скрестив ножки и подняв Свой лик к Ней. Обе иконы почитали в Новгороде, в частности, Иерусалимскую — с середины XI—XII веков (сохранилась икона из Софийского собора Новгорода, живопись которой датируется XVI веком (рис. 1), но доска и серебряный оклад на икону — домонгольские, относимые ко времени строительства кафедрального собора древнего северного города). Наиболее древние иконы Грузинской известны в новгородском искусстве с середины XV века; сохранилось много икон XVI века.

Похожие на Грузинскую иконы древнерусские мастера создавали под впечатлением византийских образцов и в других землях: 1360-ми годами датируется двусторонняя икона из суздальского Покровского монастыря, на оборотной стороне которой находится изображение

Богоматери с Младенцем, связанное, по монастырскому преданию, с именем Грузинской (Иверской) (рис. 2). Отличие от знакомого извода заключается в некоторых деталях. Правой рукой на обороте суздальской иконы Дева Мария прикасается к ножкам сидящего на левой руке Сына, в то время как на Иерусалимской или Грузинской иконах Царица Небесная держит правую руку поднятой в молитве как на всех иконах, восходящих к изводу константинопольской Одигитрии. Кроме того, одежды Богоматери на суздальской иконе написаны не так, как их писали на Иерусалимской или Грузинской иконах. Мафорий Пресвятой Богородицы под кистью мастера 1360-х годов не ложится симметричными треугольными складками в два яруса, открывая нижний плат на голове, платье и испод мафория. Правый край мафория спускается ровно вниз, а левый, ближний к Младенцу, благословляющему Ее правой рукой, отгибается двумя складками, открывая для благодатной силы Еммануила самое сердце Матери. На суздальской иконе вишневый мафорий Царицы Небесной сочетается с темно-синим платьем и таким же головным платом.

Рис. 1. Гефсиманская-Иерусалимская икона Божией Матери.

Из Софийского собора
Новгорода.

Новгородский музей-заповедник. Икона и оклад — середины XI—XII веков, живопись — XVI века

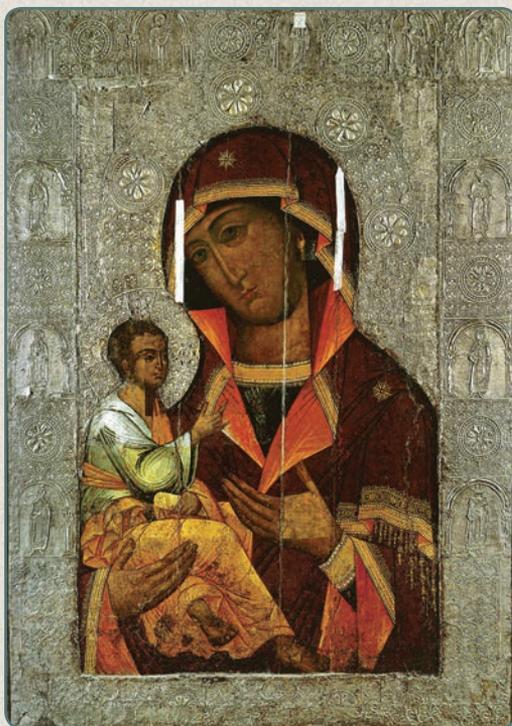

Рис. 2. Пресвятая Богородица с Младенцем. Обратот двусторонней иконы. 1360-е годы.

Из суздальского
Покровского монастыря.

Государственная
Третьяковская галерея

Новгородские иконы Грузинской XV—XVI веков, а также иконы Иерусалимской Божией Матери этого времени, написанные в разных землях, в том числе в Ярославле, могут отличаться праздничным колоритом именно в живописи одежд. Если Младенец, как правило, облачен в белый или светло-зеленый хитон-рубашу с мелкими пестрыми орнаментами и золотистый гиматий, открывающий Его стопочки, то подбой вишневого мафория Богоматери живописцы могут изображать, открывая его то вокруг шеи и двумя складками на груди, каскадом складочек у правой руки, в широких складках-раструбах поддерживающей Младенца левой руки, то светло-зелеными, прозрачными, как северный лед, — как на иконе около 1500 года из Русского музея (рис. 3), то ярко-розовым — как на иконе начала XVI века в Русском музее (рис. 4) или на иконе, написанной около 1523 года для собора Большого Тихвинского монастыря (ныне также в Русском музее) (рис. 5), или на иконе 1520—1530-х годов (из собрания В. А. Бондаренко) (рис. 6). В контурах склоненной к Младенцу головы Богоматери (рис. 7) прочитывается желание мастеров передать нежность и ласковую скорбь, умиленность Матери перед будущим

Спасителем, уже во младенчестве предопределенным к страданиям (о крестных муках напоминают его обнаженные, непокрытые гиматием, перекрещенные стопы). Сияющие то прозрачными холодными красками, то открытыми красно-розовыми, окружающие Богоматерь ткани уподобляют Ее святому Алтарю, Небесной Трапезе, Которую благословляет Еммануил, Приносящий и Приносимый в Великой Жертве. Яркие цвета усиливают праздничность и красоту больших икон, с крупными фигурами Младенца и Матери Божией, предназначенных для храмовых пространств, а не для келий, для общих молитв и чудесных избавлений, изобилие которых предопределило почитание икон на огромных пространствах Новгородской земли, Русского Севера, Верхнего Поволжья. Неслучайно новгородскими образцами навеян монументальный образ Иерусалимской Божией Матери, происходящий из Ярославля и датированный началом XVI века (рис. 8). Мастер, не прибегая к золоту, а лишь искусно сочетая светло-зеленые и светло-синие тона, создает светоносную среду вокруг фигуры Богородицы, облаченной в вишневый мафорий. Кудрявые головки Еммануила

Рис. 3. Грузинская икона
Божией Матери.
Около 1500 года.

Русский музей

Рис. 4. Грузинская икона
Божией Матери.
Начало XVI века.

Русский музей

на этих иконах напоминают о византийских образцах суздальских, новгородских и ярославских икон, на которых детский облик Спасителя должен был внушать умиление и внутренний трепет молящимся Владыке Мира и Царю Царей (рис. 9).

Глубокий и важный символизм извода Грузинской и Иерусалимской икон сочетался в повторениях XV—XVI веков с воспоминанием о главных центрах византийского Православия — Константинополе и Иерусалиме. С Иерусалимской иконой соединялось предание о том, что она повторяла ту икону Божией Матери, которая говорила с преподобной Марией Египетской и была в V веке увезена из Иерусалима в Константинополь, где ее поставили в притворе (нартексе), у главных (царских) храмовых дверей в Великой церкви, Святой Софии. В конце IX века эту же икону (скорее всего, список с нее) византийский император Лев Мудрый в качестве благословения передал крестителю Руси, киевскому князю Владимиру. Из новгородских летописей известно о чуде, случившемся с пономарем Софийского собора Аароном в 1439 году. Чудесным образом ему было явлено видение: почившие в соборе новгородские владыки вместе

молились перед «корсунским» (древним, первоначальным) образом Богоматери. После известия об этом явлении соборному пономарю новгородский архиепископ Евфимий II учредил празднование этой иконы как Корсунской, а ныне известной как Иерусалимской, зеркальному переводу Грузинской. Соборное (совместное) моление владык перед иконой из кафедрального собора в самом Новгороде могло рассматриваться как провозвестие будущих трудностей: древнерусские земли, в которых княжили потомки великого князя Димитрия Донского, в это время находились в состоянии междоусобной войны, участием в ней был захвачен и Новгород. Это были и последние годы государственной самостоятельности — в 1470 году в результате похода великого князя Московского Ивана III Васильевича Новгородская республика стала частью объединенного Московского государства. Прежде независимые во многом новгородские архиепископы соединились с предстоятелями других древнерусских епархий в общих трудах по устройению русского Православия, внося огромный вклад, соразмерный духовным и художественным богатствам старейшего после Киева древнерусского города.

Рис. 5. Грузинская икона
Божией Матери.
Около 1523 года.

Из собора Большого
Тихвинского монастыря.

Русский музей

Рис. 6. Грузинская икона
Божией Матери.
1520-е годы.

Из собрания
В. А. Бондаренко

В XVI веке извод Грузинской иконы воспроизводится в иконах малого формата, списках почитаемых святынь, которые предназначались для личного моления — как икона конца XVI века из собрания Дома-музея П. Д. Корина (в составе Третьяковской галереи) (рис. 10).

Казанский владыка Лаврентий II, посылавший в Красногорский («Черногорский») архангельский монастырь в 1661 году одного из лучших иконописцев за списком почитавшейся там Грузинской иконы, прекрасно знал о святынях новгородской епархии. Он был пострижен в Вяжищском монастыре, сменив мирское имя Льва на монашеское, и оставался приверженцем святителя Евфимия II, основателя Вяжищского монастыря и активного почитателя новгородских святынь, прославившего чудесную «корсунскую» икону — объект моления новгородских владык из видения пономарю Аарону 1439 года. (В Новгородском музее хранится прекрасный, тончайшей работы, живописный складень с образом святителя Евфимия II и сцен его жития, в окладе, среди элементов которого имеются медальоны с образами святых, чьи имена носил в миру и в

иночестве казанский владыка, и его вклад в историю Вяжищского монастыря.) Митрополит Лаврентий принадлежал к окружению патриарха Никона, когда тот еще был митрополитом Новгородским. Именно патриарх Никон установил в 1650 году 22 августа празднование Грузинской иконы, принесенной в архангельский Черногорский монастырь в 1625 году из Персии и творившей чудеса на землях северной Руси. Нельзя забывать о том, что Грузинская икона, выкупленная из «агарянского плена» и привезенная на Русский Север жителем Ярославля, должна была напоминать и о главной святыне, доставленной в Московское государство из Персии — о Ризе Господней, подаренной персидским шахом Аббасом русскому царю в 1625 году. Обе святыни — хитон (багряница) Спасителя, помещенная в особый шатер в Успенском соборе Московского Кремля, и Грузинская икона в архангельском Красногорском монастыре — освящали территорию православной Руси как преемницы Святой земли, Иерусалимских храмов на местах страданий Спасителя. В свете этих событий обращение казанского владыки Лаврентия к Грузинской иконе выглядит закономерным. И хотя привезенный список размерами отличается от

Рис. 7. Пресвятая Богородица. Фрагмент иконы. 1520-е годы.

Из собрания В. А. Бондаренко

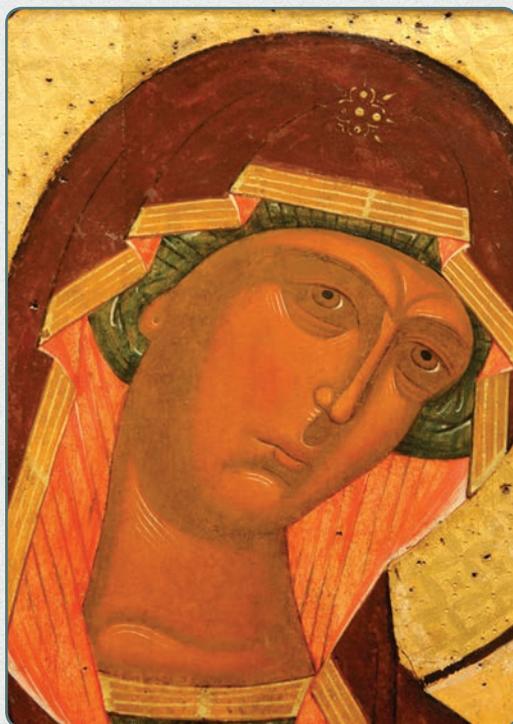

Рис. 8. Иерусалимская икона Божией Матери. Начало XVI века.

Ярославский художественный музей

древнейших русских икон извода Грузинской, он является первым на казанской земле «ростком» новой чудотворящей силы, воплощенной в иконном образе.

Следует также сказать, что иконы Грузинской Божией Матери, написанные как древнерусскими иконописцами, так и их преемниками синодального времени, не имеют надписей, упоминающих Грузию или Иверию. Чудотворная икона Красногорского монастыря была утрачена, о ее облике мы можем судить лишь по поздним спискам: в Третьяковской галерее хранится икона письма Кирилла Уланова 1707 года, которая на нижнем поле имеет подпись, называющую ее списком с Грузинской иконы Черногорского монастыря. Такие списки делали в Казани с Раифской иконы. Нельзя не упомянуть об иконах, появляющихся из небытия в возрождающемся и продолжающем свое развитие Раифском монастыре. Среди них — двусторонняя икона с Нерукотворным образом Спасителя (Спасом на Убрусе) на лицевой стороне (рис.11) и Грузинской иконой Божией Матери на обороте (рис.12). Над правым плечом Богородицы надпись, называющая образ Грузинской иконой. Это уникальный пример. Возможно, икона могла принадлежать

убранству храма, чей престол был посвящен Грузинской иконе. На территории Казанской епархии было несколько церквей в честь Грузинской иконы: в Казани, Раифском монастыре и в селе Осиново (последняя была построена в 1884—1889 годах, стиль иконы принадлежит более раннему времени, однако, не исключено, что о каких-то престолах мы можем знать не всё).

Что нам известно о Грузинской церкви в Казани? Она не сохранилась и о ее архитектурном облике, как и об истории и художественном убранстве, можно теперь судить по немногим изобразительным источникам (рисункам, фотографиям) и по архивным изысканиям.

Среди этих визуальных источников наиболее интересен рисунок 1840-х годов, сделанный художником-любителем [1].

После пожара 1842 года и перестройки 1852—1854 годов церковь приобрела вид, переданный на фотографиях старой Казани конца XIX века: наос — двухсветный четверик перекрытый сомкнутым сводом, основания которого скрыты за верхними частями стен четверика, имеющих вид треугольных фронтонов с зубчиками, углы

Рис. 9. Еммануил.
Фрагмент иконы.

Около 1500 года

Рис. 10. Грузинская икона
Божией Матери.
Конец XVI века.

Из собрания Дома-музея
П. Д. Корина.

Государственная
Третьяковская галерея

четверика выделены капителями и завершены высокими элементами. В верхние части стен вписано по одному прямоугольному окну на западе и востоке. Фасады нижней части наоса (север и юг) имеют портики в виде трехпролетных аркад с треугольным завершением-фронтоном, углы отмечены апсидолями.

При всем дилетантском характере рисунка 1840-х годов он остается бесценным источником по внешнему облику храма, по конкретным деталям его архитектурных форм и отчасти пропорций. Видно, что перестройки начала 1850-х годов лишь обнажили конструктивный каркас здания — наос в виде четверика с сомкнутым над ним сводом, вероятно, из восьми лотков. До 1842 года нижние части свода были скрыты за полукруглыми выделенными аттиками, очертаниям которых вторили вписанные в них окна, а между ними углы четверика и сводчатых лотков были скрыты за главками, возвышавшимися над апсидолями нижнего яруса четверика. Треугольные фронтоны аркад-притворов также были увенчаны главками. Фасады апсидолей у западных углов четверика были отделаны стрельчатými окнами наподобие арок в аркадах-притворах на

боковых фасадах. Элементом, объединяющим фасады четверика, служил декоративный мотив трифолия (трилистника) [2]. Вертикально поставленные объемные трилистники опоясывали нижний ярус колокольни, завершения угловых апсидолей и фронтоны притвора на боковом фасаде. Эффектным декоративным элементом был широкий вазон на постаменте, с миниатюрной главкой и крестом, водруженный в качестве завершения колокольни. Этот редкий пример имеет сходство с декором вологодской церкви во имя преподобного Варлаама Хутынского 1770-х годов, где вазоны поставлены на крышу наоса, дополняя объем барабана главы, однако вид этих вазонов абсолютно соответствует античным урнам — ложки на тулове, расширяющемся кверху, гирлянды, свисающие между закрепленных краев; вазоны эти увенчаны крестами, символизируя церковные главы. При этом сама церковь имеет вид базилики с крупными объемами колокольни и менее крупным барабаном главы, напоминая столичный собор в Петропавловской крепости. Грузинская церковь Казани, очевидно, к 1840-м годам представляла не менее интересный архитектурный «анахронизм»: многоглавый храм, центральный в

Рис. 11. Нерукотворный образ Спасителя. Лицевая сторона двусторонней иконы.

Раифа.
Первая половина —
середина XIX века.

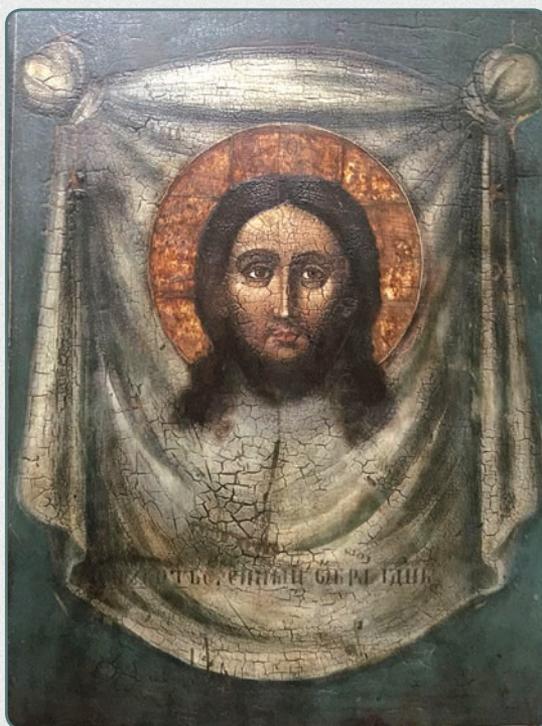

Рис. 12. Грузинская икона Божией Матери. Оборот двусторонней иконы.

Раифа.
Первая половина —
середина XIX века.

плане, — в стиле посадских храмов Московской Руси с элементами средневековой европейской архитектуры в виде стрельчатых арок, трилистников над фронтонами притворов и карнизами апсидолей. Для художественно образованных зрителей того времени, привыкших к ордерной пластике классицизма и ампира, исчезновение этих декоративных элементов и малых форм как и изменение цвета фасадов с зеленого (любимого колорита для храмов барочного стиля в России, достаточно вспомнить голубые и зеленые фасады Никольского Морского собора или Смольного собора в Петербурге, Андреевского на горе в Киеве — шедевров барочных архитекторов С. И. Чевакинского и Ф. Б. Растрелли) на розовый, «способствовало украшению». Благодаря этим изменениям церковь, по воспоминаниям К. В. Харламповича, «стала производить очень приятное впечатление» ([1], с. 69). Вазон на колокольне мог появиться благодаря архитектору Н. И. Уржумецкому-Грицевичу,

строившему в Казани городской театр в 1870-х годах, на фасаде которого, судя по фотографиям, присутствовали похожие элементы. Возможно, что в процессе ремонта (перестройки) Грузинской церкви для нее были исполнены и новые иконы. Двусторонние иконы служили как правило выносными, могли вставляться в конструкции деревянных хоругвей — запрестольных (выносных) икон. Не исключено, что именно такой была когда-то функция переданной в Раифу двусторонней иконы с образом Грузинской Божией Матери. Ее живопись сейчас в плохом состоянии, но очевидно, что икона была написана в синодальный период, в традициях иконописи Оружейной палаты конца XVII — начала XVIII веков с тщательно выписанными, естественного цвета ликами, натуралистической отделкой одежд драгоценными камнями и жемчугом. Эта возвращенная церкви святыня продолжает ряд списков чудотворной Грузинской Раифской иконы, соединяя ее прошлое с веком нынешним.

КРАСНОГОРСКИЙ БОГОРОДИЦКИЙ МОНАСТЫРЬ

стр. 30 - 83

ДРЕ ОБИТЕЛИ:
ПЕРЕСЕЧЕНИЕ КО ВРЕМЕНИ

ПРОСЛАВА ПЯТОВСКОЙ ПУСТЫНИ. КОНЕЦ 19 ВЕК

СКА

и фский Богородицкий мужской монастырь Раифский Богородицкий монастырь Богородицкий мужской монастырь Раифский Богородицкий монастырь Раифский Богородицкий мужской монастырь Раифский Богородицкий мужской монастырь

СОО. Р. XVII
125
94
12
К Р А

ИСТОРИЧЕСКАЯ
МОДА
Архангел.

98283

Издание Архангел.

5780

Красногорскій Богородицкій монастырь.

Радуйся святая горо красная, любви подобная, слава бо Божия на тебе оубо: возмужавши прославилася иконою Божией Матери, честною зреть зримася. — Тукыиже чашеюмы и асептичи. Ели нази дарована болатенно икономазание, икономазание: слава аки тубуры возмужавши, икономазание: аки чудеса претавилася и Ли, Чистая, радуйся: аки се Тобой Господь. (Принци Владимирской Крестоворской монастырь, хотя въ Икономазаниемъ иго-разъ не отъзнавати).

Красногорскій Богородицкій мужской общежительный монастырь принадлежит къ числу тѣхъ святыней, которыя привлекаютъ вниманіе не богатствомъ своихъ средствъ, не архитектурой своихъ зданій, а особой святинею — чудотворными иконами Божіей Матери, почему и называется Богородицкимъ. Эта тихая и уединенная сѣверная обитель находится въ 195 верстахъ отъ губернскаго города Архангельска и 16 отъ уѣзднаго городка Пинеги, на правомъ берегу Ошверную Двину. Запимаемая Красногорскіи монастыремъ мѣстность отличается особенною живописностію. — Онъ расположенъ на вершинѣ высокой горы¹⁾, царящей надъ нѣсколькими зеленѣющими хвойными

¹⁾ Не на самомъ берегу, а за двѣ версты по прямой линіи отъ рѣки.
²⁾ Подъезъ на эту гору около 1 1/2 версты.

Страницы из оригинального сборника

**Красногорский Богородицкий мужской монастырь
основан в 1604 году юрольским священником Мироном
(в монашестве Макарием).
До 1633 года назывался Черногорским.
Закрит в 1920 году. На фото – обитель в начале XX века.**

«Радуйся святая горо красная, небеси подобная, слава бо Божия на тебе возсия: възиграйте горы и холмы веселием, яко на сей горе прославися икона Божия Матере, честнаго Ея умиления. — Ликуйте человецы и веселитесь, яко нам даровася богатство неотъемлемое, исцелений сокровище: гласы яко трубы възшумите, прославляюще ея чудеса преславная! и Ты, Чистая, радуйся: яко с Тобою Господь».

Брянский Богородицкий Монастырь

**Из книги
«Краткое историческое
описание монастырей
Архангельской епархии»,
1902 год**

Орфография оригинала сохранена

Красногорский Богородицкий мужской общежительный монастырь принадлежит к числу тех св. обителей, которые привлекают внимание не богатством своих средств, не архитектурой своих зданий, а особой святыней — чудотворными иконами Божией Матери, почему и называется Богородицким. — Эта тихая и уединенная северная обитель находится в 195 верстах от губернского города Архангельска и 16 от уездного города Пинеги, на правом берегу соименной этому городу реки Пинеги¹, впадающей в Северную Двину. Занимаемая Красногорским монастырем местность отличается особенной живописностью. — Он расположен на вершине высокой горы², царящей над несколькими зеленеющими хвойным лесом холмами. — По склонам горы вокруг монастыря стелются поля и луга, то врезающиеся в густой величественный лес, то изгибающиеся на опушке леса и принимающие разнообразные формы и виды.

1. Не на самом берегу, а за две версты по прямой линии от реки.

2. Подъем на эту гору около 1 ½ верст.

Из монастыря, с вершины горы, видно несколько селений, которые приветливо ютятся у подошвы горы и как бы с благоговением взирают на белокаменную обитель Царицы Небесной. Так, к востоку от монастыря на равнине лежит село Валдокурье; за ним далее на холме высится со своим каменным собором и такой же колокольней городок Пинега, расположенный на том же правом берегу Пинеги, что и монастырь; против города за рекой к юго-востоку от монастыря виднеется большое селение Вонга с двумя старинными деревянными храмами; на юге против монастыря, за рекой в 5 верстах стоит древнее село Юрола; подальше Юролы на запад, на том же левом берегу, расположилось на склоне горы село Сояла. К довершению этого прекрасного вида взорам зрителя с вершины монастырской горы открывается река Пинега, которая изгибаясь подобно ленте, то вступает в утесистые, покрытые лесом берега, то вдруг разливается по широким лугам, плавно неся свои светлые воды по песчаному дну. Словом, Красногорский монастырь по всей справедливости за свое живописное местоположение носит название Красногорского. — «Благоговение западает», — говорит покойный преосвященный Макарий, бывший епископ Архангельский, а затем архиепископ Донской, в своем описании Красногорского монастыря, — «в сердце при взгляде на величие и святость места, избранного по воле Царицы Небесной в основание обители. Здесь живет представляется сознание величия Божия и своего недостойнства, равно и той бездны зол житейских, которая заграждает восход к небожителям, но сильнее является надежда на помощь Царицы Небесной»³. «При взгляде на прекрасное местоположение Красногорского монастыря, приютившегося на вершине высокой горы, мысль невольно несется в дальний Афон и находит подобие ему в окраинах севера. Как на юге Мать Божия приняла под кров Свой гору Афонскую, так на севере по Ее же изволению прославляется Черная гора»⁴. Как там в обителях невидимое присутствие Ее ознаменовано в образах Иверской, Троеручицы и многих других чудотворных икон; так и здесь явлением Ее чудодейственной силы в образе св. икон Владимирской и Грузинской ознаменована обитель Красногорская»⁵.

3. Историческое описание Красногорского монастыря, епископа Макария, Москва, 1880 г., стр. 1 и 2.

4. Так раньше называлась гора, на которой теперь расположен монастырь.

5. Историческое описание Красногорского монастыря, епископа Макария, стр. 5.

6. По Историческому описанию Красногорского монастыря еписк. Макария, стр. 2; по рукописной летописи монастыря, стр. 1, и по сказанию о чудотворной иконе Божией Матери Грузинской и чудесах от нее, с краткими историческими сведениями об обителях Красногорской, Архангельск. губ., и Раифской – Казанской губернии, А. Шмакова, СПбург, 1889 года, стр. 12 и 47, основание Красногорскому монастырю положено в 1603 году. – Но это не точно. – В этом году было только явление Божией Матери, повелевшей игумену Варлааму передать бывший у него Владимирский Ее образ попу Миرونу – с тем, чтобы тот перенес его на Черную гору и основал там монастырь (Еписк. Макар. Истор. опис. Красног. монаст., стр. 5, и Исторический очерк Красногорского монастыря, священника А. Васильева, СПбург, 1880 г., стр. 5), а перенесение иконы на Черную гору и, следовательно, основание монастыря последовало в 1604 году (Историч. опись. Кр. монаст. еписк. Макария, стр. 6, и Истор. очерк, свящ. А. Васильева, стр. 6).

Так дивно, по действию промысла Божия, соединяются красоты естественные с благами духовными!

Самый монастырь, по своему внешнему виду, на первый взгляд представляется учреждением новым: все его храмы и здания — новой архитектуры. Но иконостасная живопись главного храма, в духе древнего строго-византийского письма, и некоторые стенные украшения ясно говорят нам о древности Красногорской обители. Действительно Красногорский монастырь в настоящее время доживает уже трехсотлетие своего существования.

Основание Красногорскому монастырю было положено, по особому чудесно-открытому в 1603 г. изволению Божией Матери, вдовым священником Мироном в 1604 г.⁶ До этого же времени, т.е., до 1604 г., местность, занимаемая теперь монастырем, представляла из себя чащу непроходимого леса, удобного только для обитания зверей. — По тому мрачному впечатлению, какое производил угрюмый вид высокой, покрытой хвойным лесом горы, она, как мы уже видели, называлась Черной горой, а монастырь, на ней основанный, первоначально носил название Черногорского. Нынешнее название Красногорского описываемый монастырь получил уже впоследствии, спустя около 30 лет после своего основания, не ранее 1633 г., когда он сам и окружающая его местность приняли, благодаря трудам иноков и усердию благодетелей, благоустроенный вид.

В рукописной летописи Красногорского монастыря (по главной описи монастыря, составленной в 1895 г., ч. 3-я, № 63) о начале этой обители говорится следующее. Один игумен, по имени Варлаам, служивший в храме Воскресения Христова Кеврольской десятины⁷, имел у себя чудотворную Владимирскую икону (список) Божией Матери. — На закате дней своих он думал передать эту святыню одному благочестиюму мужу. Но вот в один из воскресных дней, после утрени, когда Варлаам уснул легким сном, ему явилась в сновидении некоторая Световидная Жена и сказала: «почто мыслиши отдать святую икону мужу не скусну, но

Красногорский Богородицкий монастырь. Начало XX века

и фский Богородицкий монастырь Раифский Богородицкий монастырь Раифский Богородицкий монастырь Раифский Богородицкий монастырь

7. Кеврола прежде была уездным городом, а теперь – Кевроло-Воскресенский приход в 140 верстах от Красногорского монастыря вверх по течению р. Пинеги.

8. Летопись монастыря; стр. 2.

9. Мирон был десятский священник. – В то время церковными делами северного края управляли Новгородские митрополиты при посредстве поповских старост и десятских священников – Первые избирались священниками данного округа, а выбор вторых зависел от старост. Те и другие обязывались иметь надзор за соблюдением церковного благочиния; собирать святительскую дань, десятильнич и заезжичи пошлины на Рождество Христово и т.п. (Правосл. Обзорение за 1866 г., 158 стр.). Исполняя эти обязанности, священник Мирон, как десятский священник, и при- был в Кевролу

отдай ю вдовому попу Мирону и повели отнести на Черную гору и строити пустыню – монастырь»⁸. Это было в 1603 г., в царствование Бориса Федоровича Годунова.

Открытая Варлааму таким образом воля Божией Матери об основании в честь ее нового монастыря была ясна. – Он недоумевал только относительно того, как ему найти священника Мирона и Черную гору, которых он дотоле не знал. Но и это его недоумение скоро разрешилось. В том же 1603 г., по случаю сбора святительских оброков, в Кевролу пришел священник Мирон, служивший в Юрольском приходе, что на левом берегу реки Пинеги, в 5 верстах от названной Черной горы⁹. Игумен Варлаам сразу узнал в нем свыше предназначенного исполнителя воли Царицы Небесной и передал ему свою чудотворную икону. Мирон с благоговением принял ее и с сердечной готовностью согласился исполнить волю Божьей Матери. При этом Варлаам собственноручно на оборотной стороне св. иконы сделал следующую надпись: «Божьей милостью и молитвами Пресвятая Богородицы, Ее явлением, Воскресенский игумен Варлаам, Кеврольские десятины, благословил вдового попа Мирона образом Пречистыя Богородицы сея иконы, и по Ее явлению велел строити пустыню-монастырь, в Черной горе, где она произволила»¹⁰.

За недоступностью Черной горы в зимнее время вследствие снежных сугробов и девственного леса, священник Мирон принятую им чудотворную икону на время поставил в свою приходскую церковь святителя Николая и только летом 1604 г., после нового явления Богоматери¹¹, перенес ее на указанную гору. Там он водрузил на освящение места крест, поставил около него образ и обнес их досчатой оградой. Гора, на которой теперь стоит Красногорский монастырь, на северо-восточной стороне своей образует два холма – нижний и верхний, разделенные между собой неширокой долиной. На первом из них (нижнем)¹², по преданию и была впервые поставлена принесенная Миронем икона Божьей Матери. – Здесь св. икона пребывала до 1606 г. Священник Мирон, посещая гору для молитвы, приискания и

расчистки места для предполагаемого монастыря, — избрал таковое на соседнем, верхнем холме, потому что там, как говорит предание, слышались звон и пение.

Доброе дело Мирона вскоре нашло себе поддержку и помощь в лице московского инока Ионы, который, спасаясь от бывших в то время смут от самозванцев и гонений за веру со стороны поляков и литовцев, странствовал по селениям нынешнего Пинежского уезда. — В это же время священник Мирон, по совету игумена Варлаама и инока Ионы, принял монашество с именем Макария и окончательно переселился на Черную гору, где (в 1605 г.) были им построены совместно с Ионой келлия и часовня. С принятием монашества Мирон всецело посвятил себя на совершение свыше порученного ему дела.

Первой заботой его теперь было исходатайствовать перед правительством законное право на владение избранным под монастырь местом, — тем более, что труженики воздвигаемого монастыря горели желанием поскорее устроить здесь храм во имя Пресвятой Богородицы.

В этих видах священноинок Макарий в 1606 г. отправился с челобитной¹³ в Москву и получил там от царя и великого князя Василия Ивановича Шуйского на имя земского судьи (на волок Пинежский)¹⁴ Ивана Назарова грамоту от 28 августа того же 1606 г., которой повелевалось избранное под монастырь место на Черной горе записать в оброчные книги за черным попом Макарием с обязательством вносить за это в казну 10 алтын¹⁵. Получивши законное право на владение избранной землей, иеромонах Макарий немедленно отправляется в Новгород испросить благословение митрополита на построение храма и заведение монастыря. Митрополит Новгородский и Великолуцкий Исидор, утвердивши братство предположенного Черногорского монастыря, произвел Макария в сан игумена, вручил ему настоятельский посох и выдал антиминос на освящение храма при грамоте от 2 октября 1607 г.¹⁶

Между тем, пока Макарий ездил в Москву и Новгород, монах Иона, при содействии благочестивых людей, очистил место для храма, заготовил лес и весной в 1607 г. положил основание первому храму. Когда осенью следующего года

10. Макарий еписк., Историч. описание Красногор. мон. стр. 5-6. Указанная надпись на оборотной стороне св. Владимирской иконы, находящейся в Красногорском монастыре, сохранилась до ныне. Правда некоторые буквы ее изгладились от времени, но прочесть ее можно. Величина иконы 7 вершков длины и 5 ½ ширины.

11. Это явление Божьей Матери было одной девице из деревни Цимола, по имени Марфе, получившей исцеление от глазной болезни при названной иконе. — Этой девице во сне было сказано: «Иди и рыц Мирону, да сотворит повеленное ему, и отнесет икону мою на повеленное ему место в Черную гору, не изволив в чужом доме пребывать; хочю да бы идеже устроится дом мой и прославится имя мое ту. Она же шед», дополняет сказатель, «поведа видение то иерею Мирону. — Он же в лето 1604 подъемлет ту св. икону... и несет ю на превыскоую гору» (Сведение о Красногорском монастыре, составленное по указу Архангельской духовной Консистории от 18 окт. 1879 г. за № 3490, рукопись редакции Архангельских Епарх. Ведомостей).

12. На этом холме теперь с 1882 года стоит деревянный храм в честь Всех Святых. – Такой же храм существовал на нижнем холме с 1641 года до 1711 года, но сгорел.

13. В своей челобитной Макарий между прочим писал: «В Двинском де уезде по Пинеге реке верст во пятисот все живут крестьяне, а царского богомолья общего монастыря у них нет и многие де люди при старостех своих и по обещанию желают иночества, а прибегнуть де негде, и постричься не от кого, а есть де место годно к монастырскому строению, отлудей отдалено на той же Пинеге реке близко волока Пинегского в диком лесу, словет Черная гора... и он де по обещанию своему на той горе водрузил часовню и келью поставил, а впредь де ему по своему обещанию своими трудами на том месте церковь поставить во имя Пресвятыя Богородицы»... (Историч. описание еписк. Макария, стр. 120; грамота Вас. Ив. Шуйского 1606 г.).

игумен Макарий возвратился из Новгорода, постройка храма была уже окончена. – Главным мастером при постройке храма был с Корельского берега «искусный в церковном строении плотник Яков», который пришел на Черную гору по особенному явлению Богоматери, исцелившей его от тяжкой болезни. – Не отказывали при этом в посильной помощи доброму делу и местные жители, сочувствовавшие намерению Макария: одни личным трудом, иные пожертвованием хлеба и других продуктов. – Когда было совершено освящение первого храма на Черной, или ныне Красной, горе, точных сведений нет. Но на основании сохранившегося до настоящего времени народного предания можно думать, что оно происходило 6 июля 1609 г. – Храм был освящен торжественно во имя Пресвятой Богородицы Честной Ея Похвалы. – По этому случаю были приглашены игуменом в монастырь с крестным ходом все священники соседних приходских церквей.

День освящения первого храма 6 июля празднуется в Красногорском монастыре и в настоящее время, хотя и не так торжественно, как это было ранее¹⁷. В народе этот праздник известен под названием Горнего. – Ко дню освящения первого храма было приобретено четыре колокола в 14 пудов, которые за неимением колокольной были повешены на двух столбах, и устроено две кельи, где жили три старца и три работника.

В таком виде представляется Красногорский монастырь в начале своего существования. Много забот и трудов предстояло еще основателю новой обители, чтобы привести ее в благоустроенный вид и обеспечить ее дальнейшее существование. – Впрочем энергичный и во всем полагавшийся на Бога игумен Макарий не падал духом. Положивши общежитие в основу жизни братства учрежденной им обители, он требовал, чтобы каждый из братии трудился над землей друг для друга и на пользу монастыря. – За недостатком рабочих рук для разработки лесной местности вокруг монастыря, он приглашал половников и раздавал им на сроки, для возделывания под луга и пашни, монастырские участки.

Половники селились, ставили дома и жили на монастырской земле, пользуясь известной долей выгод от возделываемой земли. Так например, «в 1614 году договорен был игуменом Макарием половник Василий Памфилов Шолутков на Черной горе, по нижнюю сторону монастыря за ручьем Бобровцем и вниз от того ручья до глубокого ручья, и в гору до болот — все это место по расчистке леса разработать в поля и луга: по истечении 8 лет, назначенных собственно на обработку, половник Шолутков обязывался 10 лет доставлять монастырю четвертую часть из урожая хлеба и сена; затем вся та земля» должна быть передана монастырю или, по желанию того же половника, предоставлена ему для продолжения работы, но уже с уступкой в пользу монастыря третьей части всех выгод¹⁸.

Таким образом, при посредстве половников, мало-по-малу начали образовываться деревни — вотчины монастыря. — Впрочем земледельческие работы, требовавшие необычайных усилий вследствие малодоступности густых лесов, медленно продвигались вперед и конечно не могли много содействовать развитию внешнего благоустройства монастыря. Вот в каком виде описывается состояние монастыря спустя 20 лет после основания в писцовых книгах Мирона Вельяминова, составленных в 1625 г.: «На волоку Пинежском Черногорский монастырь, а в монастыре деревянная церковь Похвалы Пресвятыя Богородицы с папертью. В церкви образа: Похвалы Пречистыя Богородицы на золоте умиления ее, Воскресения Господня, Пречистыя Богородицы Одигитрии; царские двери, столпцы и сень на празелени, деисус, под ним одиннадцать образов, да пятнадцать образов пятничных, против деисуса два медных паникадила; в алтаре за престолом образ Пречистой Богородицы на празелени, Евангелие московской печати на бархате, евангелисты серебряные под золотом, три креста воздвизательных деревянных, крест выносной, да пять разных образов, сосуды церковные: потир, дискос и лжица оловянные; ризы полотняные, оплечья черного бархата, епитрахиль, крашенные ветхие, кадило медное, книг два октоиха на восемь гласов московской печати, два Апостола, один московской печати, другой письменный в полдесть, две псалтыри, одна в полдесть московской печати, другая письменная, часовник

14. Волок Пинежский — это прежнее название Пинеги, до обращения ее в город (свящ. А. Васильев. Историч. очерк Красн. мон., стр. 5, примечание).

15. При этом судья Назаров должен был точно осмотреть с «сторонними людьми» отводимое место и представить «сыскной список, сколько того места десятин, и кто тем местом ныне и по чему владеет, и по сколько с того места годового оброку и где в каку казну» платится (Еписк. Макарий, историч. описание Красн. мон., стр. 120-121). Названный Волоку-Пинежский выборный судья с точностью исполнил эту грамоту и между прочим в своей «дозорной памяти» от 27 декабря 1607 года доносил, что «место Черная гора к монастырскому строению годно, а земли на той Черной горе пашенной и сенокосной десятин с десять, чищена она прогализинами промежду лесом» — половина ее спахана, а другая под лесом — не очищена, и что оброку в казну за всю эту землю следует с черного попа Макария 10 алтын, в чем и взята с него поручная запись на владение Черной горой со взносом оброка в казну. (Там же).

16. В Историч. описании еписк. Макария, стр. 8, в летописи монастыря (по главн. описи 1895 г., ч. 3, гл. 1, № 63) рукоп., стр. 4; у свящ. А. Васильева, в ист. очерке, стр. 8, и в сказании о Груз. иконе Шмакова, стр. 50 сказано – 20 октября 1608 г. Но в копии митрополичьей грамоты, напечатанной в Истор. описании еписк. Макария, стр. 123, поставлено – «2 день октября 7116 года», каковой даты мы и следуем.

17. Прежде было в обычае собираться в этот день в монастырь крестным ходом из Пинежского собора и церковей – Юрьольской, Валдокурской, Сояльской, Вонгской и Пильегорской, чего теперь не бывает.

18. Еписк. Макарий, Истор. описан., стр. 62-63.

19. Епископ Макария. Историч. описание Красного монастыря, стр. 9 и 123-124.

печатный; устав письменный в десть листа, книга сборник в полдеств, святцы, ирмологий, два каноника; на колокольнице четыре колокола, весу в них 14 пудов. — В монастыре же в келье игумен Макарий, да девять келий братских и служних, а в них девять братьев; за монастырем двор коровий; пашни монастырские средние земли осмнадцать частей с третником в поле, а в двух по тому ж, сена меж поль и по конец поль пятнадцать копен; починок Марковской, а в нем во дворе крестьянин Марко Тимофеев сын Клыков, у него два сына Артемко да Исачко; пашни паханые худые земли три чети в поле, а в двух по тому ж; сена же меж Поль и по конец Поль десять копен; лесу не пашенного десятина, да новорасчищенные земли от ручья Бобровца по Черной реке к Малетины до Ворги, да речка Кумечева с санными покосы и наволочки Старого оброку десять алтын три деньги»¹⁹.

Новый период жизни Красногорского монастыря начинается с 1629 г., когда этот монастырь становится обителью новой чудотворной святыни — Грузинской иконы Божьей Матери. «Убогая Черногорская пустынь», как назывался Красногорский монастырь до этого времени в грамотах новгородских владык, получает теперь более благоустроенный вид: дико растущий лес сменяется лугами и пашнями, воздвигаются один за другим новые, лучшие по виду и прочности, св. храмы; строятся новые кельи, дворы, амбары и мельницы; увеличивается число братства; возрастают средства монастыря и т.д.

Грузинская икона Божьей Матери получила свое название от страны Грузии, в которой икона эта находилась до времени принесения своего в Красногорский монастырь. Грузия или Иверия просвещена была светом учения Христова в 343 г. благочестивой девицей Ниной, происходившей родом из города Иерусалима. Первый христианский император Константин Великий прислал в Иверию патриарха, который крестил уверовавших и назначил им особого епископа. С этого времени Иверия или Грузия стала христианской страной; много в ней было воздвигнуто храмов Божьих и монастырей, в которых хранились разные святыни первых

веков христианства. Там, между прочим, находились — драгоценный хитон Христа Спасителя, который, по преданию, был соткан руками Пресвятой Девы Марии, когда она воспитывалась в Иерусалимском храме, и о котором воины при распятии Господа бросали жребий, кому он достанется (Иоанн. 19, 23-24), и — чудотворный образ Божьей Матери, названный впоследствии Грузинским. — В 1622 г. Грузию покорил персидский шах Аббас, причем храмы Божьи были разорены и осквернены, а некоторые святыни, в том числе риза Христа Спасителя и чудотворный Грузинский образ Божьей Матери, были отправлены для продажи в Персию²⁰.

В то время в Персию по торговым делам отправлялись многие русские купцы, которые с охотой покупали у персов вывезенные ими из Грузии священные предметы. — Между прочим в то время был в Персии приказчик ярославского купца Егора Лыткина Стефан Лазарев. К нему однажды принес перс икону Пресвятой Богородицы Одигитрии, украшенную золотом и серебром, и предложил купить ее. — Благочестивый Стефан с радостью приобрел предлагаемую икону. Но в то время, как происходило это в Персии, в Ярославле купцу Егору Лыткину открыто было во сне: «приставник имения твоего Стефан, сый в Персиде, купи тебе бесценный бисер; егда же принесет к тебе, ты же пошли его в Двинскую область, в Черную гору»²¹. Такое непонятное вначале явление вызвало Лыткина на глубокие размышления и заставило обратиться за советом к московскому патриарху Филарету.

Тем временем возвратился из Персии Стефан Лазарев и вручил своему хозяину купленную им в Персии св. икону Божьей Матери. — С великой радостью Егор Лыткин принял этот «бесценный бисер» и исполняя волю Божию, по совету и благословию патриарха Филарета, отправился в предуказанное им чудесным образом место, и собственными руками — 22 августа 1629 года — принес чудотворную Грузинскую икону в Черногорский (ныне Красногорский) монастырь. День принесения св. иконы сделался для монастыря торжественнейшим праздником... Вот как описывает св. икону, сам Лыткин в одном из своих писем. «7137

20.
25 марта 1625 года риза Спасителя шахом Аббасом в драгоценном ковчеге была послана в дар нашему царю Михаилу Федоровичу и хранится в Московском Успенском соборе.

21.
Еписк. Макарий. Истор. опис. стр. 11.

22. (1629) года августа в 22 день Пречистыя Богородицы Похвалы в дом», пишет Лыткин, «поставил образ Пречистыя Одигитрии, что из-за моря из персидской земли вывезен, письмо греческое, обложен образ весь серебром резью — венцы и середина и поля, и позолочен весь оклад почестным

золотом, а подложен тот образ камкою алою, цена всему окладу четырнадцать рублей»²². О принесении иконы доведено было до сведения новгородского митрополита Киприана, как то видно из грамоты, данной им по этому случаю поповскому старосте Рождественскому попу Иерофею²³.

По перенесении св. иконы, купец Егор Лыткин, видевший собственными глазами несколько случаев исцеления от принесенной им иконы²⁴, выразил желание построить в Красногорском монастыре новый, лучший прежнего храм. — Игумен Макарий с радостью встретил такое желание Лыткина и в просьбе своей о дозволении построить новый храм, между прочим, писал митрополиту Киприану, что прежний храм близок к разрушению и что в нем нельзя отправлять божественные службы. Митрополит, разрешив постройку, велел заготовлять лес и все нужное для нового храма, а старый храм разобрать, ненужные для постройки бревна и доски отвезти в реку или сжечь, пепел же опустить с камнем в воду. — При этом он предлагал освятить храм соборне и с того дня в течение 6 недель непрерывно отправлять в нем божественные службы.

Постройка нового храма производилась по плану самого строителя Егора Лыткина. Последний, присылая в начале работы (в январе 1630 г.) на новую церковь 50 руб., между прочим, просил игумена Макария: «верх... на церкви устроить по земным обычаям пологой, как на трапезе, покрыть тесом, среди кровли церковных... сделать четыре бочечки со всех сторон шириной в полсажени, а вышиной в человека, из тех бочек вывести шея, маковица и крест, малые на церковной кровли бочечки и шею обвить чешуей, а маковицу и крест опаять железом белым немецким; развалов на церкви и шатров круглого и клинчатого у бочек снова отнюдь... не делать, ради того что высокие церкви Божиим

22. Еписк. Макарий. Истор. опис. стр. 68. Величина иконы длиной 10 и шириной 7 вершков.

23. В своей грамоте Киприан между прочим пишет: «Ведомо нам учинилось, что в прошлом 7137 (1629) году августа 22 дня, в Холмогорском уезде на реке Пинеге на Черной горе, у Пречистыя Богородицы Похвалы поставил Георгий, прозванием Третьяк Лыткин, образ Пречистыя Богородицы чудотворныя иконы Одигитрия, греческое письмо, обложен серебром, венцы, гривна, поле резью позолочены, оклад весь почестным золотом. — К нему же тот образ Пречистыя Богородицы вывез из-за моря, из Персидской земли прикащик Стефан Лазарев» (Макарий еписк. Историческое опис. Красн. монастыря, стр. 13).

24. Сведение о Красного монастыре, составленное по указу Консистории, рукоп. редакции Е.В., стр. 8.

повелением молнией пожигает, ... а паперть... сделать как у церкви св. Троицы в Холмогорах на Глинках, а глухой паперти не делать, а из паперти сделать в церковь и трапезу окошечка щелью для бережения смотреть рано и поздно, помостить в церкви и трапезе кирпичем для береженья; а вышина сделать в церкви от мосту до подволоки три сажени государевых мерных, а под трапезой и церковью в рост человека... Место бы вам под нову церковь избрать покрепче и попространнее, чтобы келей и никаких хором близко сажжен за двадцать или больше не было; печи в новой трапезе... не делать, а для ради братского собора и для зимнего времени велеть бы вам перебраться старую церковь и трапезу подрубить и в зимнее время тут говорить вечерню, утреню, часы и прочую службу кроме литургии; тут же на престольном месте старой церкви... срубец устроить, покрыть и крест на нем водрузить; ограду около монастыря устроить хотя тыном, хотя забором, в том как изволите, только бы без ограды святое место не было, ворота устроить большие с зимней дороги, другие ворота малые подле старой трапезы от Пинеге реки... А храм Господень устроить новой Пречистыя Богородицы Похвалы один престол, а в новой бы тебе приделов и престолов не вчинять до времени донелиже Бог благословит сему святому месту пораспространиться, чтобы и по единой церкви без службы не было»²⁵.

25.

25 марта 1625 года риза Спасителя шахом Аббасом в драгоценном ковчеге была послана в дар нашему царю Михаилу Федоровичу и хранится в Московском Успенском соборе.

Согласно изложенному плану, при готовых средствах²⁶, постройка новой церкви шла успешно и в том же 1630 г., с внешней стороны, была окончена; освящение же вновь воздвигнутого храма, по грамоте Киприана, митрополита Новгородского и Великолуцкого, было торжественно совершено 17 января 1633 г.²⁷

26.

В только что приведенном письме Егор Лыткин между прочим еще писал Макарию: «А на сооружение церковное нас посылать с образом и с блюдом собирать. – Хотя бы и случится вспомануть слегка, а не докучать ни о чем о церковном. – Буде, господине, чего у вас денег не достанет в церковном строении на что, или на прибавку какую-либо, или на ограду, и вам бы к нам отписать» (Макарий епископ, Историч. опис. Красного. монаст. стр. 65).

Устроив новый храм, Егор Лыткин постарался снабдить его и приличной утварью и книгами. В период времени с 1630 по 1636 г. им были пожертвованы: Евангелие московской печати с серебряными под золотом евангелистами в 37 руб., три пелены, из которых на одной вышито изображение Божьей Матери для привеса к чудотворной иконе Грузинской, выточенный из дерева с позолотой подсвечник, икона храмового праздника Похвалы Божьей Матери, напрестольный серебряный под золотом крест в 100 руб.; богослужебные книги: 12 месячных миней, четыре книги пролога за целый

год, два толковых Евангелия, недельное и на всех евангелистов, церковный устав, более сотни нравоучительных книг, переписанных рукой самого Лыткина, священные одежды, оловянные сосуды, покровы, кадило, чаша для освящения, паникадило, тафта персидская, хоругви, железные с боем часы; иконы: Георгия, митрополита Митилинского, великомученика Артемия с частицей мощей его под серебряной с позолотой ризой, изображение 16 праздников на окладной доске и т.п. Кроме того, он жертвовал свечи, ладан, лампадное масло и деньгами, а однажды послал даже сорок шкур соболиных. Все вышеназванные предметы были постепенно высланы Лыткиным при письмах, в которых они поименованы²⁸.

28.
Историч. описание еписк. Макария, стр. 65-70.

При всех перечисленных благодеяниях со стороны купца Егора Лыткина — как при постройке нового храма, так и при снабжении его утварью, немало потрудился и настоятель монастыря, игумен Макарий, который был посредствующим лицом и точным исполнителем всех предначертаний храмоздателя. — Но разделяя с последним труды по устройству и благоустройству нового храма, Макарий, уже ослабевший от старости, как говорит об этом в одном из своих писем Лыткин²⁹, не переставал заботиться об укреплении за монастырем земельных угодий. Между прочим, в это время он обратился к царю Михаилу Федоровичу, в виду некоторых притязаний на монастырские земельные владения, с челобитной о точном отмежевании этих владений, данных монастырю еще Василием Ивановичем Шуйским. В ответ на эту челобитную последовала особая грамота Михаила Федоровича от 9 февраля 1631 г., в которой между прочим говорится: «пашни монастырские середняя земля осмнадцать четей с третником в поле, а в двух по тому ж, сена меж поль и по конец поль десять копен, лесу непашенного десятина, да новоросчистные земли от ручья от Бобровца по Черной горе к Малетине до ворги, да речка Кумечева с санными покосы с наволочки, старого оброку десять алтын, пошлин три деньги, а межа Черногорскому монастырю и пашни с нашими крестьянами волока Пинегского с деревней

29.
Еписк. Макарий. Истор. опис. стр. 65.

Плешковской и с деревней Малетинскою, по жалованной грамоте 114 года (1606) от Черногорского монастыря вниз по Пинеге реке владети по Бобров ручей, что течет меж Васильевского починка и промеж монастырские земли, и по верхнюю сторону Пинеге реки и Малетинской ворги по глубокий коровий ручей, что течет в Пинегу реку, а владеть игумену с братией по тем межам по Черной горе и землю распахивать... а что под Черной горой с нашей земли в деревни Плешковской и меж монастырской землей по подгорью и по подприслонью, что под большой Черной горой игумену с братией не владеть»... «в те их», игумена с братией, «угодья вступаться никому насильством не велеть, а оброк с тех угодий в нашу казну велеть им платить по-прежнему»³⁰. — Кроме этого Макарий, видя, с каким трудом и как медленно производится расчистка от девственных лесов отведенной земли, просил царя Михаила Феодоровича дать монастырю участок возделанной земли. Михаил Феодорович грамотой от 4 октября 1635 г. на имя Двинского воеводы Григория Плещеева, велел передать Красногорскому монастырю земли, бывшие на оброке Пинежского волока и Никольского (Юорольского) прихода³¹.

Царские грамоты Михаила Феодоровича были заключительным актом многотрудной и вместе с тем многоплодной деятельности основателя монастыря: 28 июня 1636 г. игумен Макарий, послуживший на пользу монастыря более 30 лет, скончался.

Место Макария в том же 1636 г. занял строитель иеромонах Емелиан. До избрания в настоятели Красногорского монастыря иеромонах Емелиан состоял в числе братства этого монастыря, занимался сбором пожертвований «на монастырское строение» и был ревностным помощником игумена Макария. Это последнее обстоятельство весьма заметно сказывается и в настоятельской деятельности иеромонаха Емелиана: — в управлении своем иеромонах Емелиан строго следовал правилам и порядку, заведенным Макарием.

Из дел Емелиана можно отметить следующее. При нем вокруг монастыря была устроена деревянная ограда; она была рублена в замок бревнами и покрыта на два ската; с западной стороны имела двой ворота: створчатые святые с

30. Историч. описание Красн. мон., Е. Макария, стр. 7 и 124.

31. Летопись Красн. монастыря, хронологический список настоятелей — Макарий, и главная опись монаст. 1895 г., ч. 3, гл. 8 № 8-й.

32. Грамота митроп. Афония, Главная опись монаст. 1895 г. ч. 3, гл. 8, № 9.

крестом и рядом с ними другие меньших размеров. Но главным делом Емелиана была постройка теплой церкви во имя Всех Святых на нижнем холме, где впервые одиноко стояла целую зиму Владимирская икона Божьей Матери. Предполагали было сначала пристроить к прежнему, (оконченному постройкой в 1636 г.), холодному храму Похвалы Пресвятой Богородицы теплый придел, на что было уже испрошено разрешение митрополита Киприана и получен антиминос; но вместо того в 1641 г., по грамоте митрополита Афония от 9 января этого года, построили особую теплую церковь в честь Всех Святых³². Этот храм был четырехугольный с клинообразным шатром; при нем была устроена братская трапезная и келарская³³. Признавая, подобно Макарию, вернейшим средством к упрочению дальнейшего существования монастыря обработку земли, строитель Емелиан дал более широкие размеры монастырскому земледелию.

33. Этот храм в 1704-1705 годах за ветхостью был перестроен и 13 января 1706 г. вновь освящен лично Сильвестром, архиепископом Холмогорским и Важским, а 3 марта 1716 года он вместе с трапезой сгорел (Сведение о Красногорском монастыре, рук. редакции, стр. 12, и Летопись монастыря, л. 5, по главной описи 1874 г. ст. 3; гл. 1, № 63).

От пожертвований, еще ранее собранных Емелианом, и некоторых, хотя малых, остатков земледельческих выгод монастырь располагал в это время частью запасных денег. На счет этих денег Емелиан брал в аренду крестьянские земли и делал срочные ссуды крестьянам под закладные на деревни, дворы, пахотную и сенокосную землю. Между прочим, при Емелиане крестьяне Валдокурского погоста заняли у Красногорского монастыря 167 руб. до 20 января 1641 г. Подобные ссуды денег под закладные, или залоги, выдавались крестьянам настоятелями Красногорского монастыря и в последующее время. Они имели между прочим то значение, что в некоторых случаях за неоплатой долга, закладные земли, дворы и деревни поступали во владение монастыря с обязательством впрочем платить государственные сборы и оброки, какие взимались до того времени с крестьян³⁴.

34. Этот храм в 1704-1705 годах за ветхостью был перестроен и 13 января 1706 г. вновь освящен лично Сильвестром, архиепископом Холмогорским и Важским, а 3 марта 1716 года он вместе с трапезой сгорел (Сведение о Красногорском монастыре, рук. редакции, стр. 12, и Летопись монастыря, л. 5, по главной описи 1874 г. ст. 3; гл. 1, № 63).

На экономии Красногорского монастыря невыгодно тогда отзывались церковные налоги. Как мы уже замечали, церковное управление Северного края в то время было в зависимости от новгородской кафедры. Новгородские митрополиты, удовлетворяя духовным нуждам края: открывая приходы, разрешая устройство церквей, назначая и руко-

полагая священников, производя суд и т.д., требовали за это с подчиненных им церковей известной дани в пользу Софийской казны. Для собирания этой дани разъезжали десятские священники, боярские дети Новгородского архиерейского дома и холмогорские десятинники. Все эти лица кроме дани требовали еще себе с церковей содержания и подвод. Такое положение вещей сильно тяготило скудный средствами Красногорский монастырь. И вот строитель его иеромонах Емелиан обратился к вышеупомянутому митрополиту Аффонию с просьбой «о сложении церковной дани с бедной Черногорской пустыни», и — «чтобы Софийского дома дети боярские, приказные Холмогорские десятинники в монастырь не въезжали и никаких подвод, кормов, десятин и иных пошлин с монастыря не брали»³⁵. Вследствие этой просьбы Емелиана действительно некоторые льготы относительно указанных налогов Красногорскому монастырю были даны, хотя совершенно сбор церковной дани не прекращался³⁶.

Освободившись несколько от холмогорских десятинников, как сборщиков церковной дани, иеромонах Емелиан вслед за этим стал просить новгородского митрополита и об отнятии у десятинников права суда по исковым и другим делам монастыря. Это право десятинники разделяли с поповскими старостами и настоятелями монастыря, и часто с последними заводили споры из-за него. Митрополит Аффоний, согласно с челобитьем Емелиана, действительно постановил: «не въезжать в Красногорский монастырь Холмогорским десятинникам; в исках и других духовных делах бить челом ему в Великом Новгороде; а поповским старостам и Холмогорским десятинникам ни в каких делах их не судить»³⁷.

По смерти Емелиана в 1644 г. настоятелем Красногорского монастыря на правах строителя был избран братией келарь иеромонах Сергей. Много трудов и беспокойств пришлось перенести этому настоятелю Красногорской обители за время управления ею³⁸. Монастырские земли опять стали подвергаться присвоению со стороны окрестных крестьян, а вместе с этим снова начались споры, иски и суды, стоившие немало издержек монастырю и неприятностей его настоятелю³⁹. Но иеромонах Сергей, ревностно отстаивал права монастыря на ранее отведенную ему землю и подал царю

35. Макарий еписк. Истор. описание Красн. монаст., стр. 24 и 25, примечание.

36. Там же.

37. Историч. описание Красногорского монастыря еписк. Макария стр. 29.

38. Почти в самом начале правления иеромонаха Сергия, именно — 15 апреля 1646 года, по Историч. описанию Красногор. монаст., еп. Макария, стр. 26, сторел до основания первый монастырский храм Похвалы Пресвятой Богородицы, а с ним и 9 братских келий; но это сомнительно: в документах о пожаре этом не говорится и по монастырской описи 1661 года монастырский храм значится существующим (Историч. опис., стр. 76). Не вкрадлась ли здесь описка: пожар, истребивший названный храм, был 16 апреля не 1646 года, а 16 апреля 1695 года (см. ниже).

39. Так, крестьянин Малетинской деревни Иван Афанасьев, условившийся с игуменом Макарием на 15 лет расчищать леса, распахать землю и ставить сено на нижнюю сторону монастыря от Бобровца до глубокого ручья и в гору до болот, из третьей части выгод урожая, не только не выполнил этого условия, но даже хотел обратить всю ту землю в свою собственность...

40. Алексею Михайловичу в разное время несколько челобитных, в которых, обстоятельно выясняя все несправедливости притязателей, просил защиты монастырю. В ответ на эти челобитные последовало несколько грамот царя⁴⁰, коими подтверждались все прежде данные Красногорскому монастырю права на владение Черной горой и ее угодьями, и строго повелевалось, «чтобы крестьяне и всякие воровские люди от монастыря были отрезаны и границы их точно обозначены»⁴¹.

41. Макарий еп., ист. опис. Красног. монаст., стр. 8 и 72-74. Впрочем, этими грамотами еще не был положен конец всем притязаниям со стороны крестьян на монастырскую землю; они возобновлялись и впоследствии. Заботясь о сохранении в целости земельных владений монастыря, иеромонах Сергей вместе с этим значительно расширил и монастырское хозяйство. Кроме земледелия, он завел в монастыре рыбные и звериные морские промыслы. Происходя из крестьян Архангельской губернии деревни Кулогоры Пинежского уезда, он знал места, предметы и средства промыслов, видел и те

42. Еп. Макарий, Историч. опис. стр. 74. выгоды, каких можно было ожидать от них. В челобитной своей царю о дозволении открыть морские промыслы иеромонах Сергей между прочим говорит, что «Черногорский монастырь место убогое, царского жалованья, вотчин, крестьян и бобылей нет, также нет ни рыбных рек, ни морских

43. Главн. опись монаст. 1895 г., ч. 3, гл. 8 № 16, грам. 1653 г. 21 ноября; еп. Макария Ист. оп. 126-128 стр. тоней, ни соляных варниц и никаких других промышленных угодий, а питаются они» (монахи) «именем Божиим, и своими трудами около монастыря вновь пашни расчищают, да от океана моря хлеб от морозов позябает и той пашней им пропитаться и монастыря строить нечем»⁴². Во внимании к этой просьбе Сергея царь Алексей Михайлович грамотой своей от 21 ноября 1653 г. дозволил Красногорскому монастырю «посылать на море для рыбного, звериного и сального промысла наемных людей из покругу (известной части) летом в двух кочах, а весною на карбасах»; и сверх того назначил ежегодное пособие в 5 рублей из таможенных доходов на Холмогорах⁴³, что и выдавалось до 1700 г.⁴⁴

44. Грамота Алексея Михайловича о жалованье монастырю в количестве 50 руб. была подтверждена царем Федором Алексеевичем (Глав. опись, 1895 г., ч. 3, гл. 8, № 28, грам. 26 февр. 1682 г.) и царями – Иоанном и Петром Алексеевичами (Грамота 13 марта 1684 г. по описи, часть 3, гл. 8, № 29). Затем вследствие нового ходатайства Сергея грамотами 3 мая 1653 г. и 30 декабря того же года был разрешен сбор

пожертвований на монастырское строение и беспошлинный провоз этих жертвований в монастырь, равно как и свободный провоз предметов промысла, предназначенных не на продажу, а на собственное употребление⁴⁵.

Морские промыслы производились Красногорским монастырем в Северном океане, на Новой Земле, и по берегам Белого моря. Предметом промыслов были сиги, семга (около Пустозерского острога), моржи, тюлени, белуга (по берегам Белого моря); белые медведи и песцы на Новой Земле. Для помещения рабочих и склада промыслов устроены были там избы и амбары. Там же промыслы находили себе и выгодный сбыт, и на вырученные деньги закупались жизненные продукты: хлеб, соль, одежда, обувь, а также — воск, ладан и т.п.

Личные расчеты на выгоды морской промышленности, завешенной Сергием, привлекли в Красногорский монастырь вкладчиков, равно как бобылей и рабочих. Все эти пришельцы, при невежестве и грубости нравов тогдашнего времени, внесли в монастырскую жизнь разного рода нестроения. Строитель Сергей, не обладая силой нравственного влияния, чтобы пресечь эти нестроения, применял к виновным употреблявшиеся в то время меры внешних наказаний. Эти действия Сергея в свою очередь вызвали явное неповиновение его распоряжениям со стороны подчиненных, так что он вынужден был, в сознании своего бессилия, обратиться, для усмирения непокорных, к содействию гражданской власти, так недавно, при его предшественнике Емелиане, устраненной от участия в монастырском суде. В челобитной своей по этому делу иеромонаха Сергей, указывая на вышепомянутые беспорядки⁴⁶ в монастыре, между прочим просил царя Алексея Михайловича дать приказание земским судейкам Сояльского стана, волока Пинежского и волостей Вонгской, Валдокурской, Чушельской и Петрогорской, «чтобы они челобитные от монастыря принимали и по ним в небольших делах расправу чинили, а обвиняемых в делах важных отдавали на поруки, чтобы монастырских старцев, вкладчиков, крестьян, бобылей и трудников, которые бесчинствуют, ослушаются, чинят смуту и спор, смирать, смотря по вине, по соборному братскому уложению, монастырскими же вкладчиками,

45. Грамотой от 30 декабря 1653 года между прочим повелевалось зимой на санях, а летом в телегах, и водяным путем в крытых судах и в малых лодках с рыбой и с солью и со всяким монастырским обиходом пропускать везде без задержания и по городам окольничьему нашему и во воеводам и дьяком и таможенным головам и целовальникам и откупщикам и по мытгом мытчикам и по перевозам перевозчикам и всяким пошлинникам Черногорского монастыря строителя с братией... и на мытах, и на реках, и на мостах их не держать и проезжих пошлин и перевозного и мостовщины и с людей головизны не иметь» (еп. Макарий, Историч. опис., стр. 128-129, и главн. опись монастыря 1895 г., 3 ч., гл. 8, №№ 15 и 17.

46. О тогдашних беспорядках монастыря Сергей в челобитной своей говорил: «... а в том монастыре старцы, немногие числом вкладчики, крестьяне и бобыли живут бесчинно и непослушно и Черногорскому монастырю чинят всякую смуту и мятеж, а меня... ни в чем не слушают и за бесчинство их, кто чего дождется, смотря по монастырскому братскому расуждению, под смирение не дается, надеясь на свое озерничество» (Еп. Макарий, Истор. опис. стр. 29).

47. Еп. Макарий,
Истор. опис.
Красн. мон.,
стр. 29-30.

трудниками и бобылями, кому он с братией прикажет»⁴⁷.

48.
Там же.

Согласно своему желанию Сергей получил царскую — от 15 июля 1650 г. — грамоту⁴⁸ и еще с большей жестокостью стал обращаться со своими подчиненными; последние ниоткуда не находя себе защиты, обратились с жалобой к самому московскому патриарху Никону. В 1659 г. строитель Сергей был удален от управления монастырем и, до назначения нового настоятеля, заведывание монастырем поручено было иеромонаху Герасиму, исполнявшему это поручение до 1661 г.

В январе же 1661 г., по указу царя Алексея Михайловича, настоятелем монастыря был переведен из Андриановского монастыря Киевской епархии игумен Петроний. По прибытии Петрония на Красную гору, согласно тому же царскому указу, была составлена в присутствии Холмогорского головы, подъячего съезжей избы и выборных людей земского судейки, сотского и крестьян, подробная опись монастырского движимого и недвижимого имущества: образов, книг, риз и всякой церковной утвари, колоколов, хлебных и других запасов, денег, строений, братии, слуг и домашнего скота. По этой описи в Красногорском монастыре в то время было два храма — один Похвалы Пресвятой Богородицы, холодный с трапезой, и другой — Всех Святых, теплый с трапезой, келарской и папертью. Оба эти храма были снабжены довольно дорогой утварью. Из церковных ценностей монастыря в описи 1661 г. между прочим указывается следующее: в холодном храме «у местного образа Похвалы Пресвятой Богородицы в середине у трех лиц венцы, корона и гривны резные серебряны золочены... Между царскими и северными воротами образ Пречистой Богородицы Одигитрии Грузинской в киоте, венцы, гривна, оклад и поля резные серебряные золочены, да прикладов у того образа: две гривны чеканные серебряные золочены, подпись на главе и ожерелья жемчужные; привесов пять панагий сканых, четыре креста паяных с камнем и жемчугом, четырнадцать крестов вольячных большого и малого дела серебряных, сережки золочены с камнем и жемчугом, два золотых одиноких, да золотой двойной червонный,

да три копейки золоченых, четвертая серебряная старье, да пол-ефимка; киот деревянный со створы облочен по краям атласом золотым, на створах же писаны праздники на золоте; на покрове у киоти тафтяной красной вшиты золотом два убруса полотняные, на висящей под ним камчатой пелене вышит образ Пречистой Богородицы с Предвечным Младенцем, венец и подпись кругом шиты золотом; пелена камчатая белая, в середине по красной тафте шит крест серебряной. На аналое образ Пречистой Богородицы Владимирской оклад серебряной резной золочен, в привесе крест серебряной паяной, сканное дело... На престоле евангелие печатное обложено черным бархатом, в середине распятие Господне, а по углам евангелисты и серафимы серебряные золочены. Крест воздвизальный оклад серебряной басмянный, распятие Господне серебрянное же литое. В алтаре образ Пречистой Богородицы Умиления, венец резной с камнем, подпись и гривна да рясы жемчужные с камнем, панагия камень хрусталь, оклад и по полям серебряной басмянной, панагия камень черной... В теплом храме — «двои серебряные сосуды, панагия серебряная резная, братыня и кадило серебряные же, чаша серебряная ложка. Ризы камка травчатая индейская с золотом, оплечье шито по окладу красному золотом и серебром, ризы атлас голубой травчатой с золотом, оплечье красного бархата шитое с золотом и серебром»⁴⁹...

Кроме храмов в монастыре были две колокольни — старая, на которой висело 6 колоколов, и новая шатровидная на девяти столбах, только что в 1661 г. устроенная.

Бывший строитель и казначей иеромонах Герасим предъявил при описи «монастырских денег 1250 руб. серебряных, да денег же старых копеек московок медных мелких 31 алтын, да шесть золотых, да серебра в ефимках и битого 26 золотников, жемчугу мелкого и крупного три золотника с третью, 4 креста серебряных окладных паяных с камнем и жемчугом, девять камней образных варенцов и червец и смазни, кружива кованого золотного восемь золотников, золота пряденного ползолотника, шелков 15 золотников, два бобра русские, часы боевые железные келейные, два пуда воску, полпуда свечей восковых, пуд ладона, два пуда меду сырцу; двадцать костей рыбьего зуба, весом пуд. Между

49. Еп. Макарий, Истор. опис. Красног. мон. стр. 76 и 77.

запасной братской одеждой перечисляются далее кожи оленьей, нерп, моржей, невод частик в 40 сажен. Зернового хлеба в монастырских амбарах хранилось: ржи 200 четвертей, ячменя 400 четвертей, кроме не вымолоченного; муки ржаной 20 четвертей, ячной 10 четвертей»⁵⁰. В числе братии тогда состояло 13 человек, да служебников было 9 человек.

50.
Еп. Макарий,
Историч.
опис., стр.
77-78.

В монастырской ограде, походившей на забор, кроме церковных зданий находилось десять братских келий и поварня. За монастырской оградой на конюшенном дворе и двух деревнях было 75 штук разного домашнего скота. Для помещения рабочих и склада промыслов были у монастыря особые дворы с амбарами в Пустозерске, Холмогорах, Архангельске и Мезени. В то время по крепостям монастырю принадлежали в Валдокурском погосте деревня Черная тяглая, — «деревня тяглая Плешевская и другая деревня, в которых два двора монастырских и две избы занимал вкладчик с семейством, возделывавший землю». Наконец, монастырь владел тогда еще двумя водяными мельницами по речке Чушелке и на ручье Бобровце⁵¹.

51.
Еп. Макарий,
Историч.
опис., стр. 79.

Игумен Петроний управлял Красногорским монастырем не долго. В 1664 г. один из вкладчиков монастыря, именно — Фома Харгалов, пожаловался царю Алексею Михайловичу, «что посланный с Москвы в Черногорский монастырь игумен Петроний, живучи в том монастыре, многих старцев древних и больных и вкладчиков смиряет, бьет без вины и хлебные запасы и всякие монастырские заводы и деревни пустошит и оттого де Черногорский монастырь пустеет»⁵², и просил назначить нового строителя. Жалоба эта подтвердилась свидетельством братии и вкладчиков, и Петроний, по грамоте Алексея Михайловича, в том же году был уволен от настоятельства. Из непродолжительного управления Петрония можно отметить следующее: при нем были отремонтированы ограды и некоторые здания монастыря; построена новая двухэтажная игуменская келья, открыта рыбная ловля на Сояльском и Чушельском озерах, увеличено количество пахотной и сенокосной земли⁵³, и в рухольную приобретено несколько лисьих, песцовых, медвежьих и других шкур.

52.
Еп. Макарий,
Историч.
опис., стр. 79.
Гл. опись монастыря, 1895 г., ч. 3, гл. 8, №№ 20, 21 и 23. Списки с грамот царя Алексея Михайловича.

53.
Гл. опись монастыря, 1895 г., ч. 3, гл. 8, №№ 20, 21 и 23. Списки с грамот царя Алексея Михайловича.

Следующие после Петрония настоятели: игумены Елифанний, Авраамий и Корнилий, как и Петроний, управляли Красногорским монастырем не долго. Елифанний, прибывший в Красногорский монастырь из Новгорода по назначению митрополита Питирима, в следующем же 1665 г. сам отказался от настоятельства по слабости здоровья и суровости климата. Избранный на его место самими старцами монастыря иеромонах, а затем с 1669 г. игумен Авраамий в 1676 г. был заменен, по указу митрополита Корнилия, игуменом Корнилием, который в свою очередь на втором году своего управления в 1677 г., по указу того же митрополита, заменен игуменом Никоном.

Такие частые перемены настоятелей и кратковременное их управление весьма неблагоприятно отозвались на хозяйстве монастыря. Все эти настоятели, начиная с Петрония, распорядились монастырскими деньгами и хлебными запасами совершенно произвольно; раздавали их под кабалы, расписки и закладные щедрой рукой, от чего многое и теряли. Это видно уже из следующего простого сопоставления. Первые настоятели монастыря: игумен Макарий и строители — Емелиан и Сергей, служившие довольно продолжительное время, развили монастырское хозяйство настолько, что в 1661 г. в монастырской казне имелось, как мы уже видели, 1250 руб. Между тем, в 1677 г. игумену Никону сдано Корнилием монастырской суммы только 205 руб., причем роздано было под кабалы и закладные 699 руб., братских келий в правление Корнилия было 7, меньше против прежнего (1661 г.) на 3; уменьшилось число братии (теперь было 9 старцев, а в 1661 г., 13 человек); уменьшилось и число вкладчиков (в 1661 г. их было 9, а в 1677 г. 7).

Игумен Никон был последний из настоятелей, посланных по назначению новгородским митрополитом. Выдающейся стороной служебной деятельности этого настоятеля была забота о благоустройстве и украшении св. храмов монастыря. В монастырской описи, составленной по смерти игумена Никона, о благолепии храмов при этом настоятеле говорится следующее: «в церкви Похвалы Пресвятой Богородицы завеса у царских врат лазуревая киндяшная... в привесе у храмового образа два литых серебряных под золотом креста, три копейки серебряных под золотом, четвертая без золота.

К чудотворной Владимирской иконе устроена серебряная резная под золотом цата, в которой посажено 24 жемчужных зерна; в привесе — голубцы литые золоченые, крест паяной, два креста литые да копеечка серебряные, крест резной костяной в серебряной оправе; около той иконы писаны кондаки да икосы Пресвятой Богородице. Над царскими воротами деисус с басмянным окладом и золочеными венцами. Другая икона Божьей Матери восьми листов на аналое в киоте, оклад и середина на ней гладкие, а венец, цата и корона серебряные чеканные под золотом; у образа Пресвятой Богородицы иконы Владимирской венец сканого дела с финифтом...; у большого паникадила в привесе расписано красками лебединое яйцо, под ним серебряная под золотом чашка, вокруг нее камка шитая по зеленому бархату золотом и серебром, водворка обшита серебром, кисть красного да зеленого шелку крапинками вверху. В привесе у чудотворной Грузинской иконы Божьей Матери цепочка серебряная с наконечники, старинное дело, перстень серебряной женский, в нем вставка червчатая да копейка серебряная под золотом. Над тем образом на киоте покров атласной алой, по концам обложен кружевом золотым широким. В теплой церкви Всех Святых у местного образа венец с короной и цатой, да два венца без корон серебряные резные под золотом. В той же церкви дароносица деревянная крестовидная..., на ней красками писаны многие святые, по споям для окрепы 13 крючков серебряных с петлями, да у ящичков, что в той дароносице пять колец серебряных... Евангелие, которое в прежних переписных книгах значится в теплой церкви Всех Святых, переплетено вновь и по образу вызолочено, доски покрыты бархатом червчатым, а середина и евангелисты серебряные резные под золотом, весом 39 золотников; — евангелие большой бумаги выходу 7197 г. (1689) по обрезу вызолочено, покрыто бархатом червчатым, на середине распятие и евангелисты в серебряных кругах чеканные под золотом, на другой стороне середина и наугольники серебряные же гладкие, застежки резные. В привесах у разных икон две панагии, на них в серединах образы знамения за камнем хрусталь;

две панагии на них образы за стеклом, панагия в середине крест. Те 5 панагий серебряные золочены, а сверху строены сканым делом; в гнездах и на спнях камышков четыре смазня, шесть червонцев, две ставки литых, 10 жемчужин небольших. Четыре креста паяных серебряных под золотом сканые, на трех из них 12 вставок жемчужных и камушков литых. Крест паяный серебряный золочен в середине крест на раковине. — Крест аспидный да два креста яшмовых, на одном из последних две ставки жемчужных и две литых. Крест вальячной серебряный золочен, на нем четыре ставки литых. Двадцать два креста серебряных литых под золотом. В привесе же 4 камушка хрустальных, два из них обложены серебром, а два повешены за кольца на шелчинках; двои голубцы одни паяные, другие литые золочены, в них 12 камушков червчатых; два креста паяных, на них изображено распятие Господне; в одном кресте ставками две раковины да камушек лазоревый, два каточка паяных серебряных. В ризнице хранились: крест воздвизательный серебряный под золотом, четвероконечный резной, с мощами святых, на нем в гнездах и на спнях камня бирюза, вареник, 6 смазней, восемь королечков, одиннадцать жемчужин.

Другой крест воздвизательный же обложен серебром резным золоченым, распятие Господне серебряное литое. Панагия серебряная резная без золота весом 28 золотников. Сосуды церковные — потир, дискос, звездница, 2 блюда, копии серебряные золочены местами. Потир небольшой серебряной, чешуйчатый золоченый. — Две лжицы серебряные — одна местами золочена, другая без золота. Кадило серебряное с цепями и поддонком и кольцами, чрез полосу резное без золота. Два шандана серебряные ложчатые, середина гладкая, поддоны чеканные. Ковш серебряный гладкий. Чашка ложчатая серебряная с поддоном, внутри и по краям вокруг золочена. В тех сосудах весу 10 фунтов»⁵⁴.

Заботясь о благоуукрашении св. храмов, игумен Никон немало потрудился и на пользу просвещения своей братии в духе веры и благочестия. При нем, между прочим, приобретены были следующие книги: 1) Григория Солунского, 2) Иоанна Златоустого о св. Иоанне Богослове и Палея в толку; 3) книга о священстве; 4) Книга подписание царя Константина, еже предано Римской церкви; 5) Слово Ио-

54.
Еп. Макарий,
Истор. опис.
Красног. мон.
стр. 81-83.

анна, митрополита Никейского, обличительное на Армян; 6) Скрижаль печатная; 7) Книга о православной вере и отпадении Римском; 8) Книжица Петра Дамаскина, в ней же писаны каноны в толку; 9) Книга Ипполита папы Римского о втором пришествии и об антихристе; 10) Книга о вере, ей же начало слово на Ария; 11) Каноник помянной; 12) Три книги Московской печати, в них же печатано молебное пение ко Христу Богу о умирении и соединении православной веры и крестоприводник; 13) Книга цветник, в нем же житие и страдание великомученицы Екатерины и некоторые другие⁵⁵. Все, кого вера колебалась под влиянием распространявшегося тогда раскола, приходя в монастырь, находили здесь средство разоблачать заблуждения и утверждаться в правой вере.

⁵⁵.
Еп. Макарий, Истор. опис. Красног. мон. стр. 83-84.

Такая просвещенно-пастырская деятельность Никона обратила на себя внимание правительства. И вот под надзор к нему в Красногорский монастырь в 1684 г. было прислано на покаяние несколько раскольников с тем, чтобы держать их в монастыре «под крепким началом и за крепким караулом, оковав руки и ноги по указу великих государей» (Иоанна и Петра Алексеичей) «и приставить к ним старца искусна от Божественного писания знающего и велеть ему над ними смотреть со всяким опасением, чтобы те раскольники каким пронырством и лукавством и лестью какого обмана не учинили, и на лжи не исповедовались и святых и животворящих Тайн лестью не приняли, и иных простых и неученых людей также лестным учением своим с пути правого не свели»⁵⁶. Кроме этого преосвященный Афанасий, вполне ценя плодотворную деятельность Никона, давал ему некоторые особые поручения. Между прочим в 1685 г. он поручил игумену Никону осмотреть новую церковь в Кевроло-Троицком приходе и освятить ее во имя Чудотворца Николая.

⁵⁶.
Указ архиепископа Холмогорского и Важского Афанасия игумену Никону.

Монастырское хозяйство при Никоне велось вполне исправно, с применением в некоторых случаях даже искусства. При нем на колокольне были устроены железные часы с боем в аршин длины и 9 вершков ширины; водяная мель-

ница под монастырем на ручье Бобровце была построена на немецкий лад и т.п. Расходы по монастырю покрывались сбором пожертвований и выгодами рыбных морских промыслов. Для сбыта промыслов ездил иногда и сам игумен, о чем свидетельствует подорожная на его имя грамота преосвященного Афанасия от 3 января 1688 года. — Устроенная еще ранее кузница в настоятельство Никона действовала также успешно; в ней была открыта слесарня. В монастырской казне наличными деньгами было 518 руб. восемь алтын, больше прежних переписных книг на 313 руб.; кроме того розданных по закладным и кабальным в следующих к возвращению в монастырскую казну было 332 руб. 12 алтын, хлеба в монастырских амбарах и на мельнице было в зерне и муке: «ржи 548 четвертей с восьминоей, ячменя 161 четверть и солоду 28 четвертей». Братство в правление Никона составляли 13 монашествующих и столько же вкладчиков бельцов. Те и другие носили одежду монастырскую. Для жительства вкладчиков был отведен большой конюшенный дом за монастырской оградой; тут же была и гостиница. В конюшенном и коровьем дворе было более 100 голов разного домашнего скота. Такое благоустроенное состояние монастыря продолжалось только до смерти его виновника игумена Никона, скончавшегося в начале 1689 г., после же его смерти оно, по разным причинам, опять стало постепенно упадать.

Вместо Никона строителем монастыря, по указу архиепископа Афанасия от 9 марта 1689 г., советом братии был избран иеромонах Макарий. Этот настоятель управлял монастырем только один год. При нем в 1689 г. случилась продолжительная засуха, которая весьма неблагоприятно отразилась на хозяйстве монастыря: весь посев от продолжительных жаров пропал. Расходы по содержанию монастыря вынуждены были производить на счет запасного хлеба прежних годов, который действительно держали и при морских промыслах и на посевах в 1690 г. Бывший запас воска пришлось продать. Четыреста руб. из монастырской казны были обращены в покупку ворванного сала на зимнем Кедском берегу для продажи в городскую ярмарку, продано несколько десятков скота и т.п.

23 мая 1690 г. строитель Макарий был устранен от должности настоятеля и на место его прислан из архиерейского дома игумен Иоасаф. В управление этого игумена дела Красногорского монастыря пришли еще в более худшее состояние, чем в каком находились прежде. Правда, при Иоасафе восстановлены были, путем многих хлопот и переписки, права монастыря на Сояльское озеро и речку Соялку со всеми их угодьями, незаконно присвоенные было окрестными крестьянами⁵⁷; устроены были в Кулойском посаде новая соляная варница, две ветряные мельницы и т.п. Но слабые стороны жизни и управления этого игумена были настолько велики, что архиепископ Афанасий запретил ему священнослужение и послал его в число братии под строгий надзор в Сийский монастырь.

57. Список с памяти Преосвященного Афанасия, архиепископа Холмогорского и Важского, коей велено ехать подьячему Лебедеву в Красногорский монастырь для дознания по доносу игумена того монастыря Иоасафа с братией на крестьян, противно царским грамотам завладевшим сенокосами и рыбными промыслами на реке Соялке и озером Сояльским и о проч. 1691 г. 19 августа (главн. опись монаст. 1895 г., ч. 3, гл. 8, № 31); Грамота 1692 г. 25 сентября (Макарий, истор. опис. стр. 89).

О жизни и управлении Иоасафа, равно как и о монастырских порядках при нем можно судить по следующим словам грамоты преосвященного Афанасия от 17 февраля 1694 г., данной келарю старцу Исаяе и казначею старцу Иосифу, которым было поручено до назначения нового настоятеля управлять монастырем: «по розыскному делу объявилось, что игумен (Иоасаф) построил в монастыре себе новые кельи не по монастырскому чину — высокие на погребях, и у тех погребов по пристрастию своему учинил он позади келей выходы и меж тех новых и старых келей назад крыльцо и на монастырской ограде против того крыльца ворота, чего ему игумену строить не довелось, понеже и прежние игуменские кельи не худы и жить можно без нужды; да он же игумен отдал на Волок Пинежский монастырских пять книг миней месячных, да такую же книгу Валдокурского погоста в церковную казну без нашего указа. И того монастыря иеромонахи вкладчиковых и крестьянских и бобыльских жен, при монастыре живущих, при рождениях очищают молитвой и исповедывают и младенцев крестят... и иное чинится у вас в монастыре монашеского образа неисправление и о монастырском иждивении небрежение, и того ради святой обители чинится душевная тщета и зазор и внешняя пустота. И мы, преосвященный архиепископ, слушав того розы-

ска и милосердя о той святой обители, пастырски указали тот Красногорский монастырь ведать... и расправу чинить вам келарю и казначею с братского совета до присылки к вам в монастырь нового игумена, и в монастырские во всякие промыслы по-прежнему куда доведется отпускать, а прежних промыслов не запустить и для сальной покупки посылать службников добрых, а не бражников... Да указали мы вам впредь будущему у вас игумену и братии про ваш монастырский обиход и для почести приезжих, начальных и приказных и всяких чинов знатных людей варить пива в год пять варь: первую к празднику Рождества Христова, вторую к великому заговенью, третью ко св. Пасхи, четвертую к Троицыну дню, пятую к празднику сретения чудотворной иконы нарицаемой Грузинской. —

А вина себе в монастырь отнюдь вам ныне и впредь не покупать и в монастыре нигде не держать, кроме того, что у вас вино посылается в монастырский Пустозерский отпуск к промыслу, без чего быть у того промысла невозможно, а излишнего вина в тот монастырский отпуск отнюдь не посылать; сверх вышепомянутого — пив не варить и смотреть накрепко, чтобы в монастыре живучи, никто не пил и не бражничал, а кто в монастырские службы и промыслы послан будет и к вам он с промыслом и службой приедут и их в монастырской казне по приходным и расходным книгам считать со всяким подлинным свидетельством вправду, и на ком будет начетная монастырская казна и то на них править без пощады, чтобы за ними монастырская казна не терялась... О монастырском же всяком правлении и промыслах, попечение иметь со всяким радением и рассмотрительством, чтобы монастырское иждивение туне ничто никуда не изнурилось и зазору никакого у вас не было. Когда доведется у вас в монастыре очистить или помыть кельи, и их мыть кому из братства и работным людям, а связки мыть работникам вне монастыря, а женску полу у вас в монастыре ни у кого келей и связок отнюдь не мыть и женского полу в кельи и на монастырь по тому же не пущать. А когда женский пол колико время для моления при монастыре пребудет, и им велеть бы вне монастыря на гостином дворе, а на скотном дворе в коровницах держать мужних пожилых жен и вдов в совершенных летах и доброжелательных; младолетних вдов

и мужних жен на скотском дворе в коровниках отнюдь не держать. Монастырским работником Власку Григорьеву и зятю его Гришке с женами за их зазорное житие и правительные вины от монастыря отказать и вперед в монастыре жить не велеть, чтобы от таких зазорных лиц в монастыре соблазна отнюдь не было»⁵⁸.

⁵⁸. Еписк. Макарий, Историч. описание Красногор. мон., стр. 90-92, а также главн. опись монастыря 1895 г. ч. 3, гл. 8. № 40.

Однако и преемник Иоасафа, присланный в январе 1695 г., игумен Максим на следующий же год был лишен управления монастырем. Управление этого настоятеля может быть отмечено только тем печальным фактом, что 16 апреля 1695 г. при нем сгорели холодная церковь в честь Похвалы Богородицы, построенная Георгием Лыткиным, и девять братских келий⁵⁹.

⁵⁹. Еп. Макарий, Историч. опис. 93 г. и летопись – под № 11 игумен Максим.

На место Максима для восстановления порядка в Красногорском монастыре 24 января 1696 г. назначен строителем этого монастыря судья духовных дел архиерейского дома иеромонах Авраамий Митусов. По прибытии к месту назначения иеромонах Авраамий прежде всего составил, особенно ввиду недавно бывшего пожара, подробнейшую опись монастыря. По этой описи между прочим значится, что имущество сгоревшей церкви было почти все спасено, хотя иное и в поломанном виде. Во время пожара пропало только несколько иконных украшений, а именно – на местном образе Похвалы Божьей Матери не оказалось венца, цаты и короны резных под золотом, бывших в них двух камешков бирюзы, пяти смазней, двух колечков, двух камешков лазоревых варенцов, пяти малых жемчужин, двух литых серебряных под золотом крестов, трех серебряных под золотом копеек и одной копейки без золота и одной серебряной под золотом панагии. Сверх прежних переписных книг в описи, составленной Авраамием, вновь поступившими обозначены некоторые привесы к чудотворной Грузинской иконе, а именно одиннадцать серебряных под золотом с разными драгоценными украшениями крестов, несколько копеек без золота и под золотом, перстней и сережек. При этом многие из привесов чудотворной Грузинской иконы были сняты и за печатью положены в монастырскую казну; а в следую-

щем 1697 г. из них, по указу преосвященного Афанасия для этой же иконы была сделана в Москве серебряная риза⁶⁰.

Вторым делом Авраамия Митусова на пользу Красногорского монастыря было сооружение нового, вместо сгоревшего, холодного храма. Так как св. иконы и другие священные вещи, вынесенные из сгоревшего храма, по тесноте теплой церкви, были сложены в монастырском амбаре, то Авраамий хотел для приличного помещения их устроить часовню; с таким намерением был заготовлен им уже лес. Но преосвященный Афанасий грамотой от 2 июля 1696 г. повелел из заготовленного леса построить вместо сгоревшего храма холодную церковь в честь Похвалы Богородицы⁶¹. При этом преосвященный выразил желание видеть в Красногорской обители каменную соборную церковь и начал изыскивать средства к этому, приказав, между прочим, священникам Пустозерского острога церковные причтовые и рыбные тони и места горного звериного промысла на Никольском берегу, которые отдавались ранее им на оброк тамошним и приезжим людям, на тех же условиях отдавать Красногорскому монастырю⁶².

Новая деревянная церковь в честь Похвалы Божьей Матери, согласно грамоте архиепископа, была построена в том же 1696 г.; она была четырехугольная с круглым алтарем и одной главой; шейка и глава были обиты чешуей, на паперти имела два хода северный и западный. Постройка же каменного храма могла осуществиться только в последующее время. Преосвященный Афанасий, ревнуя о славе Грузинской чудотворной иконы Божией Матери, учредил ежегодное перенесение этой иконы из Красногорского монастыря в Холмогоры, «ради всенародного чествования». Преосвященный имел при этом челобитную двинских жителей, которые писали: «в Двинском уезде на Пинеге реке, в Красногорском монастыре есть образ Пресвятой Богородицы, зовомый Грузинский, и чрез оный святой образ Пресвятая Богородица, прежде и ныне, творит многие чудеса и исцеления с верой приходящим.

Двинские жители, все мирское сословие, к тому чудотворному Богоматери образу имеют веру, обаче которые неизможные люди, за дальнорасстоятельством и за скудостью

60. Возложение ризы на Грузинскую икону было совершено самим архиепископом Афанасием на 3-й неделе великого поста 23 марта 1698 г. в крестной церкви; (по Истор. опис. Макария это было 21 марта, стр. 13; по летописи же монастыря, лист 22-й обор.) 21-го числа только была принесена икона и приступлено к очистке ее.

61. Главная опись монастыря 1895 г., ч. 3, гл. 8, № 43.

62. Гл. опись ч. 3, гл. 8, № 42, а также грам. архиеп. Афанасия 12 марта 1696 г. № 41.

имения их, ради моления Богоматери к тому святому образу в Красногорский монастырь обещания своего быть им исполнять неизмогают, и того ради препятствия видеть того святого образа они и молиться перед ним не сподобляются; а в иных городах, где обретаются чудотворные святые образы, и те образы из монастырей в города, в которых те монастыри присутствуют, для всенародного моления приносят и встречают их всенародно честнее; такожде и мы челобитчики все того же со всяким усердием желаем, чтоб через тот чудотворный образ всем нам Божию милость, за предстательством его Богоматери получитьи»⁶³.

63.
Макарий,
Историч.
опис. Красног.
монаст.,
стр. 39-40.

По поводу учреждения ежегодного перенесения Грузинской чудотворной иконы из Красногорского монастыря в Холмогоры было дано архиепископом на имя Авраамия две грамоты: от 22 мая 1698 г. и другая от 11 июня 1699 г. В первой сроком принесения иконы в Холмогоры было назначено 1 июня каждого года, а во второй 21 мая. — Такое изменение было произведено по случаю особенного ежегодного стечения народа в Холмогоры на 21 мая, или, как писал пресвященный Афанасий в последней своей грамоте, «понеже в то время бывает сеяние хлебных и иных земных плодов и приход с Вологды на Холмогоры соляного торгу и иных всяких судов и на них народа из многих стран Российского государства бывает множество, сего ради благовременно тогда вящие молитвы Матери Божьей приносить, дабы за ее предстательством Господь Бог даровал православным христианам благорастворенны воздухи и изобилие плодов земных, и дабы и иноградные тогда бывши во граде Холмогорах люди сподобились видеть оный св. чудотворный образ и удостоились Пресвятой Богородицы милость получитьи во славу имени ее пресвятого»⁶⁴.

64.
Еп. Макарий,
Историч.
опис., стр.
102.

При Авраамии были построены в монастыре новые настоятельские деревянные кельи вместо сторевших; затем — новый монастырский дом в Архангельске и плотина на берегу против того места где был построен дом, от разлива весенней воды и напора льда. В 1700 г. Араамий отправил для звериных промыслов на Новую Землю 14 человек из покрута

в двух кочах (крытых судах) с промысловыми снарядами и хлебными припасами. Но при возвращении оттуда одно из этих судов было затерто льдами и со всеми промыслами и промысловыми снарядами погибло. Такая неудача положила конец морской промышленности Красногорского монастыря.

Деятельностью Авраамия по управлению монастырем руководил сам преосвященный Афанасий, который старался упорядочить внутреннюю жизнь монастыря и возвысить в нем дух благочестия. Одновременно со смертью архипастыря — 5 сентября 1702 г., — окончилась и деятельность строителя Авраамия на пользу Красногорского монастыря.

Место Авраамия занял в 1703 г. иеромонах Геннадий, получивший при архиепископе Рафаиле (1708-1711) звание игумена. В самом начале настоятельства Геннадия, по указу императора Петра Великого была составлена стольником монастырского приказа Андреем Вешняковым, по осмотре, подробная опись Красногорского монастыря. В этой описи описывается новая серебряная риза на чудотворной Грузинской иконе Божьей Матери, — сделанная по указу архиепископа Афанасия из привесов. Она была «чеканная под золотом доброго художества; на короне Божьей Матери вычеканены лица ангельские и херувимские, в венце Спасителя три запанки, в которых по шести искорок яхонтовых. В привесе у этого образа было несколько серебряных панагий, крестов, сережек, с украшениями из разных драгоценных камней яхонта, сердолика, изумруда и жемчуга, несколько ефимков и т.п.

Лампада перед образом была также ценная. В холодной церкви Похвалы Божьей Матери над северной дверью был деисус, обложенный серебром; по краям его кругом писаны кондаки и икосы в лицах; пред ним на серебряном пруте висят кресты и серьги с разными украшениями. — «После того образа — образ Пресвятой Богородицы Одигитрии осмилистой, шит на червчатом атласе золотом и серебром сплошь, а лица шиты шелком, на возглавии и на ризе две звезды высажены жемчугом; кругом того образа на полях вышиты четыре лица херувимских и ее Богоматери тропарь большими литерами золотом и серебром в рамках флямованных золоченых. Образа Господских и Богородичных

праздников вырезаны на кости, на них по полям разных святых лица». После этого указывается еще в описи холодной церкви несколько икон с серебряными ризами и драгоценными украшениями, преимущественно из жемчуга, и «образ о Тебе радуется»; «евангелие на престольное в десть, обложенное бархатом червчатым; на передней доске его образ Господа Вседержителя сидящего на престоле, по углам евангелисты серебряные резные, на нижней доске по углам четыре жучка серебряные гладкие, застежки медные, выходу 159 года» (1651); «Крест воздвизательный серебряный под золотом с частицами мощей и с украшениями, упоминаемый в прежних описях, и кадило серебряное, весом полтора фунта». — В теплой церкви, по описи, между прочим отмечается «Евангелие на престольное новое, верхняя дска обложена серебром, на ней вырезаны страсти Господни, в середине на той дске Воскресение Христово и по углам евангелисты, кругом середины и евангелистов каймы чеканные, обочено бархатом черным, выходу 186 года (1678). «В ризницах 13 риз, в том числе одни китайчатые, три миткалинных, 4 крашенинных и 4 полотняных; 8 подризников, из них один миткальный и три полотняных с крашениной в оплечьях; столько же епитрахилей — все с пуговицами оловянными и серебряными (от 6 — 13) и шелковыми кистями; 11 пар поручей, из которых на пяти пуговицы оловянные — серебряные от 6 — 12; 5 поясов шелковых, из коих один подложен ремнем с серебряной пряжкой, другой был нитяной; 3 стихаря и 3 орая. — Из воздухов — один красного атласа, на котором вышито шелком положение Спасителя в гроб, — лица разноцветным шелком, а ризы, венцы и крест золотом и серебром; в возглавии нашит образ Господа Саваофа, по углам атласно-зеленой каймы вышиты евангелисты и кругом тропарь: Благообразный Иосиф... шитый золотом и серебром, подложен желтой тафтой»⁶⁵.

⁶³.
Еписк. Макарий, историч. описание Красногор. монастыря стр. 105-108.

Братство монастыря при составлении описи состояло, кроме настоятеля, из двух иеромонахов и 9 монахов. Вкладчиков состояло 16 человек, — все неженатые. — В ограде монастыря, кроме настоятельских и братских келий находились

— квасоварня, кузница и 4 амбара с хлебом и прочими припасами. За монастырем стояли конюшенный двор, келья для вкладчиков с 2 амбарами, изба для рабочих по найму, коровий двор и две избы для коровниц. Красногорский монастырь в это время имел несколько дворов на земле, приобретенной у крестьян путем неоплаченных закладных, или залогов, именно в деревнях: 1) Забобровской, где на ручье Бобровце стояла мельница, 2) Плешевской, где было гумно с овинком; 3) Чушепальской, где стояла на речке Чушелке мельница; 4) Новорасчистой — Лыткин холм, 5) Новорасчистой — Осиновый холм; 6) Новорасчистой — Кобылин холм; 7) Цымоле; 8) на Кулое, где была соляная варница и 9) на Холмогорах. — В этих дворах содержалось более двухсот голов домашнего скота.

В настоятельство Геннадия, как мы уже заметили⁶⁶, были построены в 1705 г. новая, вместо ветхой, деревянная церковь во имя Всех святых, освященная преосвященным Сильвестром 13 января 1706 г., новая деревянная колокольня, братский корпус и новая деревянная ограда вокруг монастыря в 250 саженей. По ходатайству этого настоятеля в 1706 г. архиепископ Сильвестр позволил, в виду желания торговых людей отправлять чудотворную Грузинскую икону в Холмогоры, — вместо 21 мая, 22 августа после литургии и оттуда переносить ее на время Маргаритинской ярмарки в Архангельск.

66. См. примечание стр. 33.

В 1711 г. игумен Геннадий, по распоряжению преосвященного Рафаила, разобрал холодную церковь Похвалы Богородицы, построенную в 1696 г., и поставил ее над главными святыми воротами, что на западной стороне ограды, где она без изменения оставалась до 1882 г.⁶⁷

В октябре 1713 г. игумен Геннадий, в бытность в Архангельске с чудотворным образом умер. После Геннадия временно в течение нескольких месяцев управлял монастырем иеромонах Исая, вместо которого 24 апреля 1714 г. настоятелем был назначен иеромонах Сийского монастыря Ипполит, тогда же произведенный в игумена. При этом игумене 3 марта 1716 г. сгорела в Красногорском монастыре теплая церковь Всех Святых. Пожар начался днем — под крышей трапезы; огонь быстро распространился и обнял весь храм,

67. Гл. опись монастыря 1895 г., ч. 3, гл. 8, № 45 и летопись — игумен Ювеналий — 42-й №. Афанасия 12 марта 1696 г. № 41.

так что находившиеся в церкви люди едва успели выбраться окнами. Вынесены были из огня только чудотворные иконы, церковные сосуды, ризы и книги, прочее же все сгорело. После пожара, чтобы не произошло остановки отправления богослужения зимой, преосвященный архиепископ Варнава от 10 марта того же 1716 г. повелел Ипполиту приделать к новым настоятельским кельям, построенным в 1713 г., круглый алтарь с одним крестом. Ипполит вскоре исполнил приказание архиепископа и новоустроенный алтарь 29 сентября того же 1716 г. игуменом Важского Богословского монастыря Евфимием и протоиереем Холмогорского собора Иовом был освящен⁶⁸. Теснота и убожество новоустроенной теплой церкви побудили Ипполита обратиться к преосвященному Варнаве с челобитной, в которой, донося, что «в новом храме служба отправляется с великой нуждой, и что приезжие жители Архангельска и других городов и мест желают видеть в Красногорском монастыре каменную церковь во имя Пресвятой Богородицы и усердствуют от сокровищ своих»⁶⁹, просил разрешить денежный сбор в России на этот храм. Сбор был разрешен только в пределах Архангельской епархии. Для собирания пожертвований были отправлены с книгами иеромонах Исая и послушник Димитрий Аникиев.

68. В последствии этот алтарь был разобран, и кельи были обращены в гостиницу.

69. Еписк. Макарий, Историч. описю. Красногорского монаст., стр. 113.

Дело по сооружению каменного храма в Красногорском монастыре продолжалось при игумене Митрофане, сменившем Ипполита в 1718 г. Этот настоятель в первый же год своего управления испросил разрешение производить сбор пожертвований на предполагаемый храм в Вологде, Ярославле и других городах, для чего была выдана и книжка иеромонаху Варсонофию за подписью и скрепой архиепископа Варнавы. В то время, как производился сбор, иеромонах Митрофан, по мере средств заготавливал материалы. Когда материалов оказалось недостаточно, решено было приступить к самой постройке храма. Но так как в силу высочайшего повеления, в то время запрещено было строить новые каменные здания в России, то постройка храма в Красногорской обители разрешена была лишь после особенного ходатайства преосвященного Варнавы перед Сенатом.

Церковь во имя Грузинской Божией Матери. Начало XX века

Основание новому каменному храму было положено 22 августа 1723 г. План этого храма, составляющего теперь главное украшение монастыря, описан в обязательстве мастера, взявшегося за постройку. Длина и ширина средней части храма 5 сажений, алтарь 3 сажени длины и 4 ширины; трапеза 5 сажений длины и 7 ширины, «с южной стороны трапезы придельный алтарь; толщина стен в алтарях 1 ½ аршина; а в церкви и трапезе 2 аршина; в главном храме и алтаре пол из докольной плиты... Вышина церкви до сводов 4 сажени; своды в полтрети сажени; восьмерик с окнами 7 аршин вышины; свод в нем 3 аршина, вышина алтарей 6 ½ аршин, число и размер окон по назначению»⁷⁰. — За недостатком средств постройка основного храма продвигалась вперед очень медленно; она продолжалась и при преемниках Митрофана, настоятелях иеромонахе Алексие (1723-1724 г.) и игумене Иакове (1725-1730). Впрочем, 28 февраля 1726 г. придельный храм чудотворной Владимирской иконы Божьей Матери при игумене Иакове был торжественно освящен.

⁷⁰.
В последс
Еп. Макарий,
Историч.
опис. стр. 115.

Окончание строившегося храма было совершено при следующем настоятеле Феодосии. Почти в самом начале настоятельства Феодосия императрица Анна Иоанновна пожертвовала на достройку монастырского храма из таможенных Архангельских средств 1000 руб. — Эта то, по тому времени, щедрая жертва императрицы и помогла энергичному настоятелю окончить постройку: на эти средства был открыт кирпичный завод, выделявавший ежегодно до 100 тысяч кирпича, заготовлено достаточное количество леса и т.д. Освящение новосозданного храма в честь Грузинской иконы Божьей Матери было торжественно совершено епископом Германом 22 марта 1735 г., причем настоятель монастыря был произведен в игумена. В 1743 г. была пристроена к каменному храму паперть, но по недостатку средств деревянная. 3 мая 1745 г. игумен Феодосий скончался.

После Феодосия до конца XVIII столетия настоятелями Красногорского монастыря (после временного управления казначея Германа) были: игумен Симеон (с 6 декабря 1746

г. по 22 марта 1751 г.), игумен Герман I, (управляющий монастырем двукратно — с 3 мая до 6 декабря 1746 г. и с февраля 1751 до начала 1759 г.); игумен Иосиф (со 2 марта 1759 г. до 1761 г.); иеромонах Михаил (с 8 августа 1761 г. до 4 марта 1762 г.); игумен Алексей (с 3 марта 1762 г. до 10 февраля 1771 г.); игумен Герман II (8 августа 1771 г. до 1774 г.); иеромонах, потом игумен Амвросий (10 сентября 1774 г. до 17 марта 1775 г.); иеромонах Евсевий (управлявший около 2-х лет с 1775 до 1777 г.); игумен Стефан (1777-1780 г.); временно исправлявший строительскую должность сийский иеромонах Евсевий (1780-1782 г.); иеромонах Илия (в миру пинежский священник Иоанн Мяченинов, с марта 1783 г. до 26 августа 1797 г.) и иеромонах Мамант (с 15 сентября 1797 г. по 1803 г.)⁷¹. Почти все эти настоятели, за исключением разве игуменов Германа I и Алексея, управляли Красногорским монастырем кратко-временно. Это обстоятельство должно было неблагоприятно отозваться на жизни монастыря. К тому же некоторые из перечисленных настоятелей, как то — игумены — Симеон и Герман I, иеромонахи — Евсевий, Илия и Мамант, были прямо отстранены от управления монастырем, очевидно, как не соответствовавшие своему назначению.

71. Летопись Красног. мон. с 1745 по 1803 гг.

Из жизни Красногорского монастыря за это время можно отметить следующие обстоятельства: при игумене Германе I 6 января 1759 г. сгорели настоятельские и братские кельи, вследствие этого пожара игумен Герман и был уволен от настоятельства; в управление иеромонаха Михаила эти сгоревшие кельи были вновь построены. При преемнике Михаила, игумене Алексие (Карамзине) в 1763 г. была надстроена на паперти деревянная восьмиугольная колокольня и получен указ преосвященного Иоасафа о том, чтобы Грузинскую чудотворную икону носили из монастыря прямо в Архангельск, минуя Холмогоры⁷².

72. В 1763 г. архиерейская кафедра из Холмогор была перенесена в Архангельск.

73. До 1864 г. за Красног. монаст. числилось 23 мужчины и 26 женщины.

В 1764 г., по известному указу императрицы Екатерины II, крестьяне монастырских вотчин⁷³, земли, хлеб и скот были переданы в ведение Коллегии экономии. В конце управле-

ния игумена Германа II в 1773 г. придельный храм Владимирской иконы Божьей Матери был отделен от главного придела каменной стеной. При последнем из перечисленных настоятелей — иеромонахе Маманте высочайшим указом 18 декабря 1797 г. велено было отпускать из уездных казначейств по 300 руб. 127 заштатным монастырям, в том числе и Красногорскому. Кроме этого в 1799 г. Красногорскому монастырю было дано в безоборочное владение Сояльское озеро с речкой Соялкой и водяная мукомольная мельница на реке Чушелке. пожалование Сояльского озера и соименной ему речки особенно было ценно для монастыря, так как названное озеро весьма обилует рыбой и даже в настоящее время дает монастырю очень хорошие уловы рыбы. Наконец в 1802 г. монастырь был снова наделен землей в количестве 33 десятин: в том же 1802 г. была начата постройка новой, каменной колокольни.

По увольнении Маманта, управление монастырем было вверено священнику Петру Карлину. Этот священник был в полном смысле строителем монастыря. При нем с 18 июня 1803 г. по 19 июня 1808 г. были произведены следующие работы в монастыре: в 1805 г. достроена начатая при Маманте каменная колокольня с помещением в среднем ярусе библиотеки и архива монастыря, в 1807 г. построен каменный одноэтажный братский корпус, устроены две большие деревянные избы — одна с двумя амбарами на Сояльском озере, другая — при конном монастырском дворе, и т.п. 19 июля 1808 г. священник Петр Карлин по слабости здоровья отказался от управления монастырем и оставил за собой только одно казначейство⁷⁴.

Должность настоятеля монастыря была вручена после Карлина иеромонаху Александру, переведенному сюда из Никольского монастыря. В двухлетнее строительство Александра был перекрыт и выбелен каменный храм, построен новый коровий двор, перебрана мельница на реке Чушелке и «приобретены полусуточные стенные часы с римской надписью»⁷⁵. После иеромонаха Александра настоятелем Красногорского монастыря (с 31 октября 1810 г.) был иеромонах Анастасий (Ключарев) достигший впоследствии высокого иерархического звания — епископа Екатеринославского и

74. Почти через год свящ. П. Карлин принял монашество с именем Порфирия и 11 июня 1809 года был назначен строителем заштатного в то время Веркольского монастыря и смотрителем бывшего при том монастыре приходского училища.

75. Летопись монастыря — иеромонах Александр

76. Сын Куростровского священника, Холмог. уезда, родился 17 марта 1777 г. и наречен был Алексием. По успешном окончании полного курса в Архангельской дух. семинарии, 23-летний юноша Ключарев 10 января 1801 года определен был учителем грамматики в ту же семинарию; спустя 2 года преосвящ. Апполосом произведен в диакона Благовещенской церкви г. Архангельска; 18 октября 1802 г. преосвященным Евлампием, по увольнении от учительской должности, рукоположен во священника – в Лявленский приход (в 30 верстах от Архангельска), откуда 4 июля 1805 г. перемещен обратно в Архангельск священником Благовещенской церкви, с назначением (в 1806 г.) и учителем арифметики в семинарии; в феврале 1808 г. был определен членом Архангельской дух. Консистории; в марте 1809 года командирован был в Каргопольский уезд Олонечкой губ., для окончательных переговоров и заключения контракта с крестьянами Архангельской волости, подрадившихся сделать кирпич для постройки каменного здания Архангельской дух. семинарии; в августе того же года назначен был благочинным церковей г. Архангельска и смотрителем приходского духовного училища,

Таганрогского⁷⁶. Из деятельности этого настоятеля в монастырской летописи отмечено следующее: «при нем» говорится в летописи, «построены — братская трапеза, хлебная, гостиница, баня и приобретен колокол весом в 12 пуд. 37 фунт. за 354 рубля».

Преимником Анастасия по настоятельству в Красногорском монастыре с 30 июля 1818 г. был иеромонах Иоанникий. При нем был произведен, по указу Консистории, осмотр привесам у чудотворной Грузинской иконы Богоматери и слиткам из них. Из этих привесов были сделаны серебряная дарохранительница, весом 3 фунта, и такое же кадило, весом 1 фунт 24 золотника. В 1822 г. во всех храмах монастыря, в соборе, приделе и в церкви Похвалы Богородицы, были отремонтированы иконостасы и иконы, за что уплачено 1075 руб. В следующем году было заготовлено листовое железо для покрытия каменного храма, а в 1822 г. была произведена и сама работа, при чем крест с шаром на храме был покрыт червонным золотом и ветхая слюда в рамках заменена стеклами. При Иоанникии же были построены деревянные братские кельи и каменная башня в юго-западном углу ограды. Одновременно с настоятельством в монастыре иеромонах Иоанникий занимал некоторые другие должности: так, до 1821 г. он был экономом архиерейского дома и присутствующим духовной консистории, а с 1824 г. до смерти, которая последовала в июне 1829 г., присутствующим в Пинежском духовном правлении.

С сентября 1829 г. до июля 1831 г. настоятелем Красногорского монастыря был игумен Венедикт, из настоятелей Веркольского монастыря; в его отсутствие, так как с декабря 1830 г. он был вызван в экономы архиерейского дома, монастырем заведовал иеромонах Виктор. По смерти Венедикта монастырем управлял в звании строителя священник Иоанн Андреевич Бутаков, служивший по окончании полного курса семинарии сначала в приходах - Чухченемском Пинежского уезда и Ухтоостровском — Холмогорского, а затем, по овдовении, при архиерейском доме в звании духовника. Благодаря заботам этого настоятеля-священника в

1832 г. был устроен в приделе Владимирской иконы Божией Матери новый иконостас, приобретены два ценных киота для икон Спасителя и Божьей Матери и более 40 серебряных пробных венцов на разные иконы⁷⁷; значительно была пополнена церковная утварь и увеличена ризница монастыря. Немало доброго сделал священник Бутаков и для монастырского хозяйства: при нем был выкопан новый колодезь; вновь устроен кирпичный завод, отремонтированы некоторые монастырские служебные постройки и т.д. Наконец, при нем же был устроен пинежским мещанином Михаилом Егоровичем Кобылиным каменный придел в честь Чуда архистратига Михаила в Хонех и пожертвован им же Кобылиным колокол весом в 131 пуд 33 фунта.

Указом Синода, признавшим строительство белого священника в монастыре неприличным, в июле 1841 г. настоятелем монастыря, вместо Бутакова, был назначен иеромонах Иринарх⁷⁸. В настоятельство Иринарха были куплены: весьма ценная Иверская икона Божией Матери, вышиной в 1 ¼ аршина и шириной в 1 аршин, с серебряной ризой и венцом в 7 фунтов и жемчужным по фольге убрусом; колокол в 50 пудов и 5 фунтов и другой в 5 пудов и 6 фунтов; графиня Анна Орлова прислала монастырю в билетах 5000 руб. на вечное поминовение; в 1849 г.⁷⁹ построен был братский каменный корпус, существующий и до ныне в юго-западном углу монастырской ограды, в приделе Владимирской иконы Божьей Матери был набран из цокольной плиты пол вместо деревянного; сооружено было несколько серебряных риз на иконы; отведен и отмежеван в 1853 г. лесной участок в 150 десятин из казенной Валдокурской дачи; заготовлен в значительном количестве материал для предполагаемой каменной ограды вокруг монастыря и 4 мая 1854 г. начата сама кладка каменной ограды.

После Иринарха, уволенного за неисправности по монастырю и несоответствующие иноческой жизни поступки⁸⁰, около двух лет (1855-1857 г.) Красногорским монастырем управлял иеромонах Афанасий, из петрозаводских мещан, уволенный затем в число братии Веркольского монастыря. При нем в 1856 г. была устроена деревянная гостиница для богомольцев в северо-западном углу ограды, подле въезжих ворот, которая потом была перенесена в другое место и обращена в прачечную.

Оно было причислено к Рождественской городской церкви. По принятии монастыря – 31 октября 1810 года, – с именем Анастасия, последовательно занимал настоятельские места в Красногорском монастыре в звании иеромонаха, в Никольском-Корельском с 1817 года – в звании игумена и Михаило-Архангельском с 1820 года, Сийском с 1824 года Архангельской епархии, и Предтечевом Тругулевым, Тамбовской епархии, с 1828 года – архимандрит. Из Тамбовской епархии о. Анастасий был вызван на чреду служения и проповедывания Слова Божия в Петербург, где 13 мая 1834 года в Казанском соборе и был хиротонисан в епископа Старорусского, викария Новгородской митрополии. Жил на пенсии в Троицко-Сергиевской лавре, а затем в Сийском монастыре и в котором скончался 22 марта 1851 г.

77. Макарий, Историч. опис., стр. 119.

78. Летопись монастыря под 1841 г.

79. По «Сведениям о Красн. монаст.», составленным игум. Ювеналием, (рукоп. редакции Арх. Еп. В.) это было в 1852 году.

80. Дела Консист. архива № 248, 1834 года и № 195, 1855 года.

На место Афанасия 20 мая 1857 г. строителем монастыря был определен иеромонах, а потом игумен Нектарий, при котором было особенно много сделано для внешнего благоустройства и благоустройства монастыря. Так в 1859 г. был вновь позолочен в соборном храме иконостас; отштукатурены и украшены живописью стены этого храма, набраны в названном храме каменные полы вместо деревянных и деревянный пол в приделе Архистратига Михаила; покрыта железом крыша колокольни и переменены шпиц и крест колокольни и позолочены; в гранях ниже колоколенного шпица и на церкви ниже средней главы — наложены 64 золотых звезды; окончена в 1858 г. постройка каменной ограды вокруг монастыря; приобретена плащаница, шитая золотом по малиновому бархату; — хоругви штофные такого же цвета и запрестольный деревянный крест; по благословиению епископа Александра, в 1860 г. сделана в Петербурге новая риза на Грузинскую чудотворную икону 84 пробы весом 5 фунтов 14 золотников ценой 3400 руб.; приобретено для иконостаса соборного храма несколько риз апликавых, в том числе 16 риз на иконы праотцов и пророков; 3 сребропозлащенных венца на иконы Господа Саваофа и Богоматери с Предвечным младенцем весом 1 фунт 72 золотника; в 1864 г. сделана сребропозлащенная риза на Владимирскую икону Божьей Матери 84 пробы с короной и венцом весом 2 фунта 59 золотников за 94 руб. 50 коп. и рамка к иконе с сиянием такой же пробы весом 4 фунта 56 ½ золотника. Был перекрыт настоятельский корпус и устроен в 1860 г. на нем мезонин в 2 комнаты; построены — двухэтажный деревянный скотный двор в 16 сажень длины и 7 ширины, потом замененный новым; деревянный же с двумя мезонинами братский корпус, существующий до ныне на северной стороне при входе в монастырь; равным образом произведены были некоторая перестройка и постройки для улучшения хозяйства.

В 1865 г. в Архангельске на месте, пожертвованном монастырю купцом Дудиным, на углу Троицкого проспекта и Театральной улицы, с разрешения Св. Синода о. Нектарием

была устроена часовня в честь чудотворных красногорских икон, перестроенная потом в церковь, и при ней подворье. Говоря о деятельности о. Нектария на пользу Красногорского монастыря, не можем не упомянуть о чудесной помощи, которая была при нем оказана свыше обители. В 20 верстах от Красногорского монастыря утром 21 июня 1859 г. при сильной засухе, которая тогда продолжалась около двух месяцев, начался лесной пожар. Сильный юго-западный ветер с необычайной быстротой приближал его к монастырю. Все меры, принятые против усиления полицией и собравшимся народом, были недействительны: несколько минут... и монастырь был бы жертвой пламени. Но где слаба человеческая сила, там нередко проявляет себя очевидно для всех всемогущая сила Божья. Лишь только крестный ход с чудотворными иконами монастыря направился к месту пожара, как сильный дотоле юго-западный ветер перешел в южный и утих, а затем пошел дождь. Так дивно Царица Небесная спасла Свою обитель от погибели! Чудесно сохранилась при этом от огня и часовня во имя Владимирской иконы Божьей Матери на св. ручье (в 5 верстах от монастыря), стены которой, принявши во время пожара темно-красный вид, несколько лет служили наглядным свидетелем совершившегося чуда.

В октябре 1870 г. игумен Нектарий переведен настоятелем Крестного второклассного монастыря с возведением в сан архимандрита. После него Красногорским монастырем в течение 6 лет управляли строитель Антоний и иеромонахи Иона, Петр и Сергей. Все они по слабости здоровья были уволены потом в число братии Кожеозерского монастыря. Уже одно это обстоятельство не может не говорить, что при них жизнь монастыря шла не надлежащим порядком⁸¹. Впрочем, и в это время были построены двухэтажный деревянный конный двор и новая часовня на св. ручье и заменен в приделе Архистратига Михаила деревянный пол каменным.

23 февраля 1876 г. настоятелем монастыря назначен игумен Ювеналий. При нем была построена в 1879 г. часовня в честь чудотворных Грузинской и Владимирской икон с под-

81. Дела архива дух. Консистории за 1872, № 286 и 1874 г. № 195.

ворьем в Петербурге, на месте, пожертвованном монастырю охтинским мецанином—монументщиком Александром Дмитриевичем Поповым (на Большой Охте, по Георгиевской улице, под № 354); в 1882 г. была разобрана старая и построена новая деревянная церковь в честь Похвалы Богородицы над святыми воротами. Разрешение на устройство этой церкви было испрошено о. Ювеналием еще в 1877 г. Во время поездки его в Петербург, куда он был командирован Консistorией для личного распоряжения работами при постройке там часовни и подворья, временно управляющий Красногорским монастырем, иеромонах Михайло-Архангельского монастыря Виталий стал было хлопотать об устройстве над воротами каменной церкви вместо проектируемой деревянной. Но возвратившийся в 1880 г. из командировки о. игумен в виду недостаточности средств монастыря, в особенности после похищения⁸² из монастыря процентных бумаг прекратил это дело и построил деревянную церковь. Из материала разобранной церкви с прибавкой нескольких новых бревен в том же 1882 г. была сооружена 3-я монастырская церковь в честь Всех Святых на Малой горе, где первоначально стояла некогда целую зиму Владимирская икона Божьей Матери и где был потом в 1641 г. построен в честь Всех святых храм, уничтоженный пожаром. Кроме этого, трудами о. Ювеналия произведены были некоторые ремонты внутри каменного храма и в корпусах монастыря, и, наконец значительно расширено, через постройку мастерской, хозяйство монастыря. Указом Синода от 16 ноября 1884 г. игумен Ювеналий переведен в Крестный Онежский монастырь с возведением в сан архимандрита.

Преимником Ювеналия был игумен Виталий. В его управление была (1886 г.) построена одноэтажная деревянная гостиница для богомольцев — вне ограды; оштукатурены и выкрашены внутри белой краской под шлифовку стены придельных храмов и паперти; построена на св. ручье новая часовня, начата постройка каменной ризницы; значительно улучшен подъездной путь к монастырю и т.п. В марте 1888 года игумен Виталий переведен в Веркольский монастырь, которым в звании архимандрита, управляет и по настоящее время. — Нынешний настоятель Красногорского монастыря, иеромонах Ювеналий, назначенный настоятелем

82.

Во время поездки игумена Ювеналия, при временно-управлявшем монастырем иеромонахе Виталие, в 1879 году были похищены из казначейства все капиталы монастыря — процентные бумаги и наличные в количестве 17 870 р. 57 к. После разного рода объявлений и ходатайств банками были выданы новые билеты всего на сумму 14 637 р., остальные же 3 233 р. 57 к. погибли безвозвратно. (Дела Конс. архива № 442 за 1879 г.)

12 марта 1888 г., с усердием продолжает дело своих двух предшественников по благоустройству монастыря. Кроме приобретения многих предметов церковной утвари, благоуукрашения храмов, икон, приобретения 4 колоколов — одного весом 71 пуд 17 фунтов, другого — 41 пуд 15 фунтов и двух меньших размеров о. Ювеналием достроена каменная ризница и с основания выстроены рухлядная с кладовой и амбаром, скотный двор, странноприимный дом, рабочий флигель и разные к ним службы⁸³; на всех этих зданиях крыши железные и выкрашены масляной краской. Кроме этого часовня, находящаяся в Архангельске на подворье на благотворительные средства превращена в церковь, причем и из монастырских сумм на устройство иконостаса употреблено 400 руб. Наконец, немало о. Ювеналий заботился и об увеличении средств обители, так с 1888 г. по 1897 г. капиталы монастыря увеличены более чем на 31 тыс. руб., и в настоящее время всех процентных бумаг у Красногорского монастыря имеется на 68 с лишком тысяч руб. Число братии монастыря в последнее время простирается, кроме настоятеля, до 15 лиц.

83. Других менее важных построек о. Ювеналия не перечисляем.

Такова прошедшая и отчасти настоящая жизнь Красногорского монастыря. Из предложенного очерка видно, что Красногорский монастырь, осеняемый покровом Царицы Небесной, несмотря на все превратности своей прошедшей жизни, имеет под собой твердое основание и в будущем, можно надеяться, будет стоять незыблемо.

В заключение очерка нелишне сказать несколько слов о том значении, какое имела и в настоящее время имеет скромная Красногорская обитель для православной России вообще и для Архангельского края в частности.

84. В историческом описании Красног. мон. еписк. Макария, стр. 47-59, рассказывается о 33 случаях чудотворений, бывших в разное время от Красногорских чудотворных икон.

Великие святые Красногорской обители, будучи источником многочисленных и дивных чудотворений⁸⁴, с самого же начала своего появления на Черной или Красной горе приобретают себе известность в отдаленнейших местах нашего обширного отечества и отовсюду привлекают к себе множество богомольцев. Было время, именно — в царство-

вание Алексея Михайловича, когда одна из Красногорских святынь, Грузинская икона Божьей Матери, по желанию благочестивых людей, была даже отправляема для благоговейного чествования в отдаленную Сибирь, на великую реку Лену и во внутренние города России: Устюг, Вологду, Тотьму, Ярославль, Переславль Залесский и Москву. Между прочим дивным памятником пребывания в 1654 г. Грузинской Красногорской чудотворной иконы в Москве является до настоящего времени сохранившийся там, в церкви Св. Троицы, близ Варваринских ворот⁸⁵, список этой иконы, также подающий исцеление приходящим к нему. — Этот список сделан рукой одного серебряных дел мастера, Г. Евдокимова, в память чудесного исцеления его сына от тяжелой болезни по молитвам перед чудотворной Грузинской иконой Красногорского монастыря, во время пребывания ее в первопрестольной столице.

Но особенно важное значение имеют красногорские святыни для жителей Архангельского края. Последние, признавая в явлении среди них, на Красной горе, чудотворных образов проявление особенной к ним милости и покровительства Богоматери, во всех трудных обстоятельствах своей жизни с полной верой и упованием обращаются за помощью к своей Небесной Покровительнице и всегда находят себе у чудотворных образов Красногорского монастыря утешение и подкрепление; а многие из них и навсегда остаются в монастыре, или принимая монашество, или просто работая в пользу монастыря.

Архангельские архипастыри, желая сделать красногорские святыни доступными для всех своих пасомых, в частности больных и бедных, для которых посещение обители с целью помолится пред ее чудотворными образами представляется делом невозможным, издали в этих видах несколько распоряжений⁸⁶, по которым в настоящее время обе святыни Красногорские попеременно круглый год находятся в г. Архангельске. Грузинская икона привозится на пароходе в Архангельск к 26 августа и остается здесь до третьей недели (воскресенья) великого поста, а Владимирская привозится ко времени отбытия из Архангельска и остается до времени прибытия туда Грузинской иконы. — Во время пребывания в Архангельске та и другая чудотворная икона по несколько

85.

Этот образ первоначально находился в храме, что на Неглине у мельниц (Еписк. Макарий, истор. опис., стр. 35).

86.

Еписк. Макарий. Историч. опис. Красног. монаст., стр. 39-45.

^{87.} Это расписание можно видеть в Историч. описании Красногор. монастыря, еписк. Макария стр. 43. дотворных икон.

времени, согласно с особенным расписанием⁸⁷, остается в каждой из городских церквей и оттуда по желанию вносится в дома частных лиц. — При следовании в Архангельск и обратно Красногорские святыни останавливаются во встречающихся на пути сельских храмах — Пинежского, Холмогорского и Архангельского уездов. — Всюду они принимаются с необычайным религиозным воодушевлением и везде вызывают чувства горячей веры и благочестия.

Влад. Челмогорский

Александр Ильич Лилов
в Казани

Е. А. Ситницкая

стр. 88-109

3
Эксперимент

Общий вид Казани

Фото XIX столетия

Я. И. ЛЯЛОВ
В КАЗАНИ
(1832—1890)

экскурс

Е. А. Ситницкая,
кандидат философских наук,
доцент кафедры
философской антропологии,
Казанский (Приволжский)
федеральный университет

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ
ОЧЕРК

Казань.—Kasan.
Духовная академия

Это касается, в частности, казанского периода его жизнедеятельности. Об А. И. Лилове не написано ни монографий, ни диссертационных работ, ни развернутых мемуаров и некрологов, как о его однокурсниках и коллегах И. М. Добротворском и А. П. Щапове. А он был из одной когорты с этими известными представителями преподавательской корпорации Казанской духовной академии. А. И. Лилов, а еще Я. В. Рудольфов, И. М. Добротворский и А. П. Щапов вместе составляли ту четверку выпускников академии 1856 года, которую современники называли блестящей, а курс, на котором училась вся четверка, оставленная в академии после окончания в качестве бакалавров, счастливым. При этом Лилов ни в чем не уступал своим сокурсникам Добротворскому и Щапову, хотя не дослужился, как они, до высоких научных степеней. Не преуспел он и на духовном поприще, более того, в 1858 году вышел из духовного звания.

Есть еще одна претензия к параграфам, характеризующим Лилова в справочниках: при перечислении видов его деятельности во всех них отсутствует номинация «ученый». Между тем, как нам представляется, она

должна возглавлять список его характеристик. При этом следует отметить его уникальность как ученого: он был специалистом не только в одной области, а и в целом ряде областей научного знания. Только Знаменский акцентирует эту отличительную черту Лилова, называя ее «многознанием», а описывая наружность Лилова, отмечает, что он и внешне был похож на художника-чахоточного ученого грека: испитой, смуглый, с подслеповатыми глазами, с совершенно черными волосами на голове и огромной растительностью на бороде, от которой вся нижняя часть лица, будучи обрита, казалась совсем синей.

Мы посчитали своей задачей в данном очерке восполнить пробелы, касающиеся казанского периода жизнедеятельности Лилова, ввести читателей в круг его многообразной и плодотворной деятельности в Казани, в том числе представить читателям наиболее значительные научные труды, написанные и опубликованные им в нашем городе. Немаловажным обстоятельством для знакомства с творчеством Лилова в юбилейном 1030-м году принятия христианства на Руси является то, что все его работы, написанные в Казани, были посвящены истории христианства и главным образом православия. Актуальность последней его ра-

боты, относящейся к 1859 году, — «Взгляд на христианский характер славянских племен» — не требует комментариев.

А. И. Лилов пробыл в Казани всего семь лет (1852—1859), но именно в этот период, особенно с 1854 по 1857 год, произошло несколько событий, которые способствовали формированию его как профессионального ученого, педагога, писателя, библиографа и т. д. Они повлияли и на положение и статус Казанской духовной академии. Ее рейтинг поднялся до уровня крупного научного центра России. Первым и главным событием в жизни академии было открытие в ней, как и во всех других духовных академиях России, небольших миссионерских отделений, в том числе противораскольничьих. На их студентов и выпускников возлагалась серьезная задача: принять живое участие в изучении церковного раскола в России XVII века и в борьбе с ним (эта проблема во весь рост встала перед российским обществом в конце 50-х годов XIX века). В реализации этого проекта принимал активное участие архиепископ Казанский и Свияжский Григорий (Постников).

На 1855 год пришлось еще два события. Во-первых, он стал годом начала выпуска журнала «Православный собеседник»,

ставшего в последующие десятилетия крупным духовным печатным органом России и открывшего обширное поприще для особой ученой деятельности преподавателей и студентов Казанской духовной академии. В этом же году (и это второе) в Казань с Севера была перемещена библиотека Соловецкого монастыря и Анзерского скита. Шла Крымская война и было опасение захвата этих культурных ценностей англичанами, очень близко подошедшими на кораблях к Соловецкому монастырю.

Все три события самым непосредственным образом повлияли на Лилова.

Он поступил в академию в 1852 году после окончания нижегородской семинарии (происходил из духовного звания). А в 1854 году в числе 27 студентов старших курсов академии, обративших на себя внимание наставников и изъявивших желание, Лилов был отобран для учебы на противораскольничьем отделении, как и трое других членов упомянутой четверки. Организатором, куратором и поначалу единственным преподавателем этого отделения был ректор академии, архимандрит Агафангел, работавший в тесном контакте с преосвященным Григорием, надзиравшим за академией по всем направлениям. Агафангел старал-

ся пополнять это отделение наиболее способными студентами, много сделал для обогащения библиотеки академии нужными книгами и рукописями, заботился об успехах журнала «Православный собеседник». При нем был осуществлен первый разбор книг и летописей Соловецкого монастыря. На эту работу были направлены опять же четыре молодых бакалавра, включая Лилова, составлявших ядро лучших научных сил академии. Молодым бакалаврам пришлось отдать работе над этим культурным достоянием России немало сил и времени, занимаясь разбором, систематизацией и каталогизацией материалов библиотеки, во многом рукописных. Лиллову же в этой работе выпала особая роль: написать обзоры содержимого Соловецкой библиотеки, которые были напечатаны на страницах упомянутого «Православного собеседника» под названием «Библиотека Соловецкого монастыря» и оставались до 1880-х годов, пока академия не оказалась в состоянии осуществить самостоятельную публикацию описания рукописей, единственным источником сведений о Соловецком богатстве. Знаменский называет эту работу Лилова плодом неутомимых занятий автора. Со-

ловецкая библиотека оказалась богатейшей и еще не тронутой исследователями источниковой базой для Добротворского и Щапова, ставших основоположниками научного расколоведения в Казани и России. Многие дала эта работа и Лиллову.

Его обзоры были опубликованы в 1859 году, а первые свои научные свершения он сделал, еще будучи студентом. В 1855 году, увлекшись лекциями приглашенного из Императорского университета профессора В. И. Григоровича, в частности, по палеографии (науке, изучающей внешний вид и письмо древних рукописей с целью определения времени их написания), Лиллов сумел за год освоить этот предмет и оказался в состоянии заменить своего учителя. Закончив студенческую учебу, он, удостоенный степени магистра и получивший должность бакалавра, был определен на кафедру греческого языка и палеографии. Знаменский пишет, что занятия Лилова по этой кафедре с самого начала показали его как опытного и незаурядного слависта. Греческий язык он превосходно знал еще в семинарии.

По окончании последнего курса противораскольничьего отделения все студенты обязывались написать курсовые сочинения по теме раскола. Пре-

мией за лучшие работы была их публикация на страницах журнала «Православный собеседник». В дошедших до нас сведениях о том, как писались эти сочинения, подчеркивается, что студенты работали над ними так ревностно, что начальству приходилось беспокоиться за их здоровье. При этом все работы превысили назначенные размеры: до десяти листов. Некоторые работы доходили до ста и более листов. Знаменский пишет, что были написаны замечательные сочинения, и они действительно публиковались на страницах «Православного собеседника» и стали основой магистерских диссертаций некоторых студентов. Но лучшей из лучших была признана работа Лилова, а поощрением автору стала публикация ее в качестве монографии в одном из издательств города, в типографии губернского правления в 1856 году. Монография называется «О зловредных действиях езуитов в отношении к православной церкви в России в конце XVI и в начале XVII века». Тема не относилась к расколоведению, но касалась не менее важной, чем церковный раскол XVII века в России, страницы истории русской церкви. Книга эта насчитывает 282 страницы.

Работа Лилова посвящена борьбе святой Русской православной церкви с латинством,

которую Лилов называет одним из самых замечательных явлений в ее истории. С первых же строчек работы Лилов начинает обличать римско-католическую церковь в том, что со времени принятия христианства по XVII век (включая самозванцев Дмитриев), заразившись духом мирского властолюбия и уже отторгши христианский Запад от единения с православием, она усиленно покушалась подчинить своей власти и церковь российскую или изменить ее по своему мудрствованию. Уже со времен святой Ольги в Киеве действовал латинский миссионер Бискуин Адельберг. Лилов напоминает, что мы видим латинских проповедников и перед великим князем Владимиром. Он перечисляет 25 имен римских пап, так или иначе покушавшихся распространить свою власть на Россию и использовать самые различные средства для своих целей. Лилов скрупулезно в разных главах книги помещает перечень этих покушений. Первыми он посчитал нужным назвать воздействия католической церкви на удельных князей. Этот перечень показателен. Иногда папы разжигали внутренние междоусобия на Руси. Иногда вооружали против нас соседей и врагов внешних. Иногда спешили к находящимся в стесненных обстоятельствах князьям с предложениями своей помощи и

Титульный лист сочинения Лилова
«О так называемой
Кирилловой книге»

предложениями принятия их под свое покровительство со всем потомством и состоянием. Папы по всяким случаям слали к нашим князьям грамоты, изображая себя христианскими наместниками, обладающими всей полнотой власти карать и миловать всех. Князей считали то жалкими поклонниками заблуждений, то льстили им, манили неопределенными надеждами на будущее величие. И постоянно убеждали принять латинскую веру как неопценное благо.

Особое внимание Лилов уделяет отрезку времени, когда в процессе экспансии на исторической арене появляется орден иезуитов, а в деятельности ордена особенно тщательно рассматривает период понтификата Григория XIII. Именно при нем члены ордена иезуитов стали основной силой наступления на Россию. К этому времени иезуиты, успешно выполнив свои задачи для утверждения в Польше и ряде других стран, смогли сосредоточиться на российском направлении. Наиболее энергичные и умные представители ордена иезуитов посылались папами на переднюю линию фронта к Московскому двору и находясь внутри государства Российского, умно и изобретательно вели подрывную работу. Деятельность одного из таких легатов Антония Поссевина (итал.

Антонио Поссевино), обладавшего разнообразными способностями, прекрасно образованного, умевшего спорить и убеждать, не смущаясь тем положением, которое занимал оппонент, хитрого, обладавшего твердостью духа и целеустремленного Лилов описывает в одной из глав своей книги, так и назвав ее «Поссевин в Московском государстве, его действия и планы».

Поссевин обладал огромными полномочиями и в России, и вне ее пределов. Григорий XIII рекомендовал русскому царю обращаться к нему во всех затруднительных случаях, в том числе при урегулировании отношений России с Польшей. Сам папа внимательно прислушивался к рождавшимся в голове Поссевина планам активизации экспансии латинян в России. Это было, например, предложение организовать в Риме для православных по тому типу, как это имело место в Литве, Ливонии, Польше, коллегии для обучения и воспитания в соответствующем духе представителей молодого поколения России. Такие своего рода школы, дававшие всестороннее, очень качественное образование с включением языкознания, притом, бесплатные, давали великолепный результат. За полгода учебы из них можно было выпускать готовых миссионеров. Поссевин давал советы

папе и относительно торговой экспансии России и т.д.

Особого разговора заслуживают личные встречи Поссевина с хозяином Московского двора, а это было не кто иной, как Иван Грозный. Поссевин использовал любую возможность, чтобы получить аудиенцию и побеседовать с царем насчет преимуществ католицизма над православием. Его тон вначале бывал наступательным, однако царь нередко гасил эту наступательность и заставлял Поссевина превращаться в защищающегося. Бывало, царь выходил из себя, мог нелицеприятно отозваться о папе, например, называл папу волком, а не пастырем, правда, затем смягчал тон. А был случай, когда присутствующие испугались за жизнь Поссевина, боясь, что царь проткнет его своей острой тростью.

Несмотря на все ухищрения иезуитов, их дела в России шли не просто и не гладко. Умный и проницательный Поссевин видел эти неудачи и пытался их анализировать. Вот перечень причин, по которым, по его мнению, дела в России идут не лучшим образом:

1. Русские, не зная хорошо Запада, смешивают в своих представлениях латин с прочими западными сектантами и сваливают на латин то дурное, что слышали

о последних (лютеранах, кальвинистах и др.)

2. Ненависть к латинам русские наследовали от греков, всегда завидовавших латинам. Еще более они усилили эту ненависть чтением греческих хроник, в которых рассказываются о латинах всякие небывлицы, которые русские принимают на веру.

3. Сам царь окончательно утверждал отвращение к иноземцам в душах своих подданных исполнением придворного обряда, состоявшего в том, что царь после аудиенции с иноземными послами обыкновенно, как бы для очищения от какой скверны, умывал руки их золотого сосуда, который стоял в той же комнате, ввиду всех присутствующих.

Лилов в своей работе красной нитью проводит мысль, что ни мирные, ни военные средства, ни ставка на торговые отношения, ни лесть в адрес царя, бояр, духовенства и всего народа и т.д., не заставили Россию предать свою веру. Она осталась верна линии, начертанной еще святым Владимиром, заявившем латинам: «Отцы наши сего учения не приняли суть». Героической защите Руси против подлой экспансии

иезуитов Лилов тоже отводит в своей книге немало места. Монография заканчивается панегириком в адрес православия и хулой в сторону католической церкви. Латин Лилов называет не религиозной общиной, а политической партией отступника папы римского, действующего для расширения пределов своей власти. Лилов прямо называет иезуитство и латинство одной из причин церковного раскола XVII века.

Публикация студенческой работы в городской типографии была случаем неординарным. Она напоминала успех научной работы другого молодого бакалавра академии А. А. Бобровникова, который в 1848 году (за десять лет до этого) написал «Монгольско-калмыцкую грамматику», получившую награду Академии наук России, премии Святейшего Синода и 2-ю Демидовскую и рекомендованную как учебник для всех семинарий, где изучаются названные языки. Работа Лилова не получила таких наград, но факт ее опубликования говорит сам за себя. Она впечатляет своей монументальностью — в смысле основательности и глубины содержания, объемом изученного автором материала, длительностью отрезка времени, взятого им для описания, наконец, своими размерами. Поражают доскональное знание

исторического, религиоведческого материала, приведение в тексте массы интереснейших и малоизвестных фактов, например, касающихся деятельности и отношений выдающихся личностей (глав государств и церквей) и т. п. Удивительна и совершенно социально зрелая позиция совсем молодого человека относительно описываемых событий — позиция преданного гражданина России, адепта РПЦ, которому ненавистны любые происки внешних и внутренних врагов государства с целью подчинения его чужой власти. В книге сполна проявился писательский талант Лилова: содержа огромный научно-познавательный материал, она местами читается как художественное произведение и вполне достигает того воспитательного эффекта, который заложил в нее автор. Неслучайно о Лилове говорили, что со времен Ильминского в Академии не было столь талантливого студента.

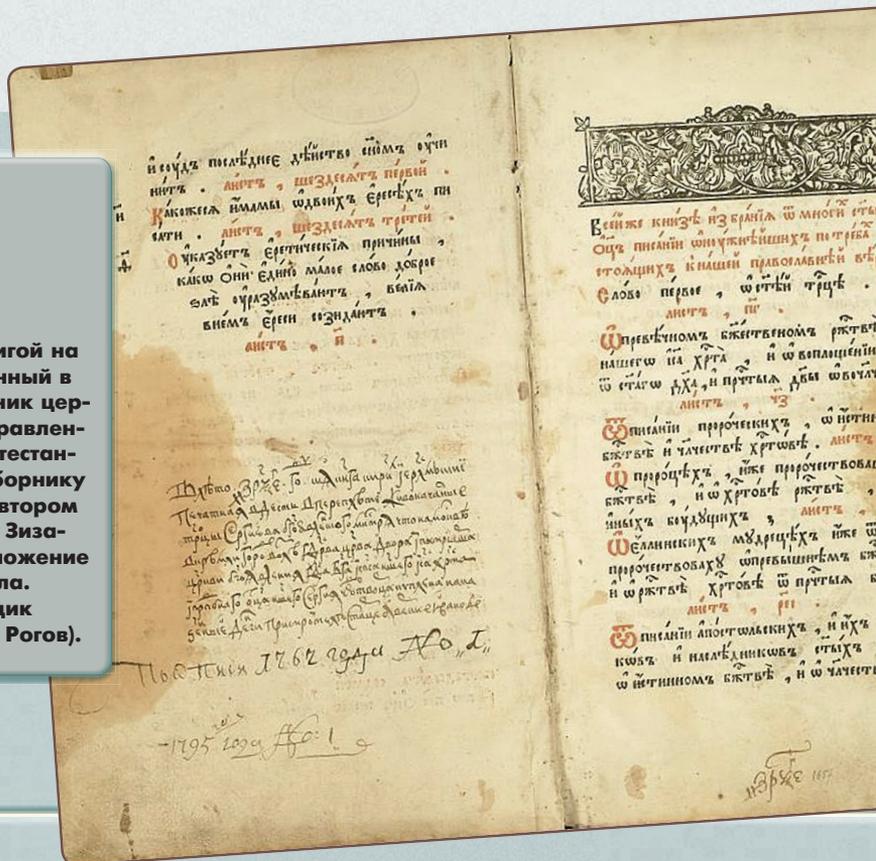
В 1857 году место ректора Казанской духовной академии занял архимандрит Иоанн (Соколов), что резко изменило ситуацию в академии. Новый ректор раскола «не любил» и по сугубо деловым причинам совершил разгром противораскольничьего отделения. Досталось и противомусульманскому, так что извест-

ные исламоведы, Ильминский и Саблуков, покинули академию. Преподавателей неожиданно, без их согласия, переводили на другие кафедры. Засилье славистики на кафедре палеологии также раздражало ректора. По его настоянию она была уничтожена, а Лилов был переведен с кафедры греческого языка и палеографии на кафедру философии и вынужденно начал заниматься подготовкой лекций по философии и психологии. Но и эта его краткая работа не осталась незамеченной в ученой среде и получила очень лестную оценку. Видимо, опираясь на информацию, содержащуюся в Православной богословской энциклопедии или богословском энциклопедическом словаре, современный российский философ В. А. Поль в своей докторской диссертации «Философский теизм в Казанской духовной академии: опыт системной реконструкции и интерпретации» упоминает Лилова как преподавателя, внесшего свежую струю в несколько застоявшуюся атмосферу кафедры философии. Лилов и здесь сумел проявить творческий подход при подготовке лекций по предложенным ему курсам. Не прекращалась и его научная, писательская работа.

В 1858 году в Казани была опубликована вторая монография А. И. Лилова, принесшая

Самая крупная из ученых работ А. И. Лилова — «О так называемой Кирилловой книге»

СПРАВКА: Кирилловой книгой на Руси называли напечатанный в 1644 году в Москве сборник церковных материалов, направленных против латинян, протестантов и армян. Название сборнику дано по первой статье, автором которой является Стефан Зизаний, давший вольное изложение поучений святого Кирилла. (сборник собирал справщик печатного двора Михаил Рогов).

ему славу и уважение ученого мира за проделанную сложнейшую работу по исследованию одной из древнейших раскольничьих книг. Монография была названа Лиловым «О так называемой Кирилловой книге. Библиографическое изложение в отношении к глаголемому старообрядству». Кирилловой книгой на Руси называли напечатанный в Москве в 1644 году сборник церковных материалов догматико-полемического содержания, направленных против латинян, протестантов и армян. Первой статьей в сборнике была помещена работа белорусского втора Стефана Зизания «Казанье святого Кирилла, патриарха иерусалимского об антихристе», являющаяся вольным переводом пятнадцатого огласительного поучения архиепископа IV века Кирилла Иерусалимского, одного из Отцов церкви. Сегодня точно известно, что работы, помещенные в сборнике, принадлежат разным авторам, однако в XIX веке вопрос об авторстве их был дискуссионным. Большинство старообрядцев приписывало его Кириллу. Лилов утверждает, что это не так и что авторство Кирилла относится только к первой, самой большой и главной статье этого сборника, названного именем Кирилла. Кирилл был

очень видным церковным деятелем своего времени, сыгравшим значительную роль в формировании христианской догматики и обрядности. Пятнадцатое огласительное поучение относится к циклу его проповедей, произнесенных примерно в 350 или 351 году и пользовавшихся огромной популярностью. Они были переведены на все основные языки христианского Востока, а крупнейшие младшие современники Кирилла — Иоанн Златоуст, Блаженный Августин и другие, подражали Кириллу и ссылались на него. Кирилла называли «катехизатором» и «огласителем».

Первым на белорусское наречие названное сочинение Кирилла перевел Стефан Зизаний, писатель-полемист, церковный проповедник конца XVI — начала XVII веков, борец против унии и римской церкви, защитник православия, претерпевший за свою деятельность против церкви и государства немало неприятностей. Именно этот текст, переведенный на церковно-славянский язык, и вошел в московский сборник.

Лилов в своей книге излагает историю появления сборника. Он был напечатан по указанию царя Алексея Михайловича в связи со следующими событиями: по инициативе царя должно

было состояться бракосочетание царевны Ирины с датским принцем Вольдемаром. Условием его был отказ Вольдемара от собственной лютеранской веры и принятие православия. Однако Вольдемар не захотел принимать православие, что повлекло за собой прения о вере его пастора и православных священников. После этого царь приказал издать «предобрую» книгу для борьбы с ересями западного толка. Царь обозначил содержание книги: она должна была быть наполнена текстами виднейших церковных мыслителей. Большого количества текстов святых отцов в сборнике не оказалось, а перевод Зизания занял первое и центральное место.

Книга Лилова содержит и подробное описание биографии, рода деятельности, причин, заставивших взяться за перо Стефана Зизания. Но главной целью своей работы Лилов считает очищение подлинного текста поучения Кирилла от ошибок, вкравшихся в него при переводах (книга Зизания, написанная на белорусском языке, вошла в сборник будучи переведенная на церковно-славянский) и искажений, связанных с толкованием этого текста самим Зизанием. Первое издание книги Зизания было осуществлено в 1596 году и к XIX веку оригинал книги стал уже редкостью. Лилов нашел

небольшой отрывок из книги Зизания в одной из рукописей и сначала попытался сравнить этот текст с текстом московского сборника. Эта работа показала, что в тексте Зизания много темных мест, а переводчики московского сборника еще более исказили первоначальные мысли Кирилла. Понимая, что исправить положение могло бы сравнение текста московского сборника с греческим оригиналом, Лилов отказывается от этого варианта, осознавая, что греческий язык многим недоступен. Поэтому он прибегает к сравнению текста книги Зизания, опубликованного в московском сборнике, со славянским же текстом, найденным им в старинной рукописи XV века, оказавшейся в Соловецкой библиотеке. Рукопись содержала перевод всех поучений Кирилла. Лилов проводит тщательнейшую скрупулезную работу по дословному сличению названных текстов. Этому отведено 70 страниц работы, причем тексты помещены на одной странице, занимая каждый по ее половине. Такое сличение было отнюдь не бесполезным. Переводчиков Лилов часто упрекает в небрежности, они подчас смешивали слова Кирилла с изречениями Священного Писания и наоборот, что давало отступникам полную свободу перетаскивать в какую угодно сторону текст перевода. К собственным мнениям Зизания,

отличающимся от Кирилловых, Лилов очень строг. Он видит в них две главные мысли:

1. Мысль о том, что в осмом веке должно совершиться второе пришествие Христа на землю и кончина мира.

2. Что уже существуют на деле и признаки близости этих событий, особенно в том, что антихрист уже пришел и царствует на земле в лице Римского папы.

Зизаний пытался назвать конкретную дату скончания мира, чего не делал ни Кирилл, ни другие авторы, в том числе его брат — писатель Лаврентий. Мысль о скончании мира предрекалась неоднократно, как правило, в тяжелые для православной церкви времена. Сам Зизаний тоже жил в период страшного насилия еретиков над православием (возникновение унии, обман, коварство и т. д.), но вправе ли был Зизаний заключать и уверять в этом современников и напрямую соотносить обстоятельства своего времени с ситуацией, которая имела место в эпоху Кирилла? Заключение Зизания о конце света Лилов называет бездоказательными и пишет, что чувствуются сомнения его современников, да и самого Зизания, в истинности этих предсказаний.

Тем не менее, он убеждал своих читателей и слушателей, что они уже живут в период скончания века, что настало царство антихриста и вскоре «откроется» второе пришествие Христа.

Признаки антихриста Зизаний видит у римских пап, он называет пять таковых. И эти признаки Лилов характеризует как совершенно бездоказательные и опровергает каждый из них. Одним из признаков, по мнению Зизания, является крестное знамение, совершаемое у латинян: не справа налево, как у православных, а наоборот, что, по его мнению, означает нападение антихриста — слева на православие — справа. В конце своей книги Лилов заверяет читателей, что указывает на недостатки толкования Зизания и остальных текстов книги, по поводу которых он очень резок (видит в них много вымышленных неприличных сказаний, заимствованных неизвестно откуда, искаженных историй и т. д.) не для того, чтобы укорить и опорочить людей, у которых Кирилла книга пользуется большим уважением. Он и сам видит в ней положительные моменты, например, некоторые места, где дается критика латинства. Целью своего труда он считает показать заблуждения людей, почитателей книги, подчеркнуть, что многие ее места обличают «суемыслие» старообрядцев и что такой показ

недостатков верований латинян, армян и так далее, возможно, освободит их от духа злобы к инаковерующим, даже к своим православным братьям. Наконец, своей целью Лилов считает показать, что при беспристрастном разборе они нашли бы и обличение своих нововведений и поняли бы, что они не хранители и оберегатели древнего православия, но скорее отступники, в некоторых отношениях худшие, чем обличаемые в Кирилловой книге.

Лилов был не единственным православным писателем, критиковавшем Кириллову книгу, но вряд ли другие авторы сумели сделать это столь обстоятельно, скрупулезно и тактично по отношению к старообрядцам, которые продолжают и сегодня оставаться реалией церковной и гражданской жизни России.

Примерно в тот же период Лилов успел поучаствовать в переводе Нового Завета с греческого на церковно-славянский язык. Каждая духовная академия России получила от Святейшего Синода соответствующее задание, к выполнению которого был привлечен и Лилов.

В 1859 году в «Православном собеседнике» была опубликована статья Лилова «Взгляд на христианский характер славянских пле-

мен». Появлению статьи предшествовало выступление Лилова в 1858 году на ту же тему на академическом акте — ежегодном торжественном собрании Казанской духовной академии. Новый ректор старался использовать молодых талантливых преподавателей академии для поддержания престижа и журнала «Православный собеседник», и академии в целом. Поручение выступить на академическом акте получил и Щапов, но, к сожалению, текст его выступления не сохранился, а содержание выступления Лилова, по-видимому, послужило основой для его статьи.

Статья Лилова написана на столь же серьезном теоретическом уровне, с опорой на богатую базу фактов, как и другие работы Лилова. Она интересна еще и тем, что взгляд автора высвечивает затронутую проблему с двух сторон: не только с точки зрения роли, которую христианство сыграло в истории и судьбах славянских племен, но и через значение этого факта для самого христианства. Каждую из сторон Лилов рассматривает на фоне исторических событий, происходивших в жизни христианства и славянских племен. Статья пронизана тем же апологетическим отношением к православию, что и предыдущие работы Лилова, и отличается той же тщательностью рассмотрения описываемых

событий, серьезностью суждений и удивительной точностью прогнозов относительно судеб православия в будущем.

Появление христианства в судьбах славянских племен Лилов, как и следует религиозному мыслителю, представителю казанского академического теизма, рассматривает как происходящее по воле Божьего промысла, то есть предустановленное свыше, а следовательно, закономерное, неслучайное явление. Благодатна свыше и деятельность первоучителей славянских Кирилла и Мефодия. Это их усилиями всажено на славянской почве в неблагоприятных условиях семя христианства разрастается в могучее дерево, сень которого достигает пределов Индии, Японии, Китая.

Разворачивая панораму утверждения христианства в разных частях римской империи, Лилов показывает различия его судеб на Западе и Востоке. К сожалению, на Западе христианство не нашло восприимчивой и твердой почвы для себя. Поиному обстояло дело в Греции, ставшей праматерью восточного христианства. Будучи духовно выше других народов и имея

глубокие культурные традиции, Греция сумела развить лучшие идеи христианства и эстетически качественно оформить образ христианского богослужения.

Из Греции христианство распространилось и в области обитания славян, где получило для своего утверждения и обитания благодатную почву. Это и особенности характера и образа жизни славянских племен (сильная натура славян, необыкновенное миролюбие, склонность к оседлой жизни, стремление к порядку в частной и общественной жизни). Это и их благосклонность к чуждым правителям, приносящим к ним лучшие порядки, мудрость, благоразумие и заботливая распорядительность славянских правителей, способствующая, чтобы народ сразу почувствовал, что в христианстве заключается великое сокровище. Легкости распространения христианства у славян способствовало и то, что в христианстве, разделенном до этого борьбой различных течений и сект, к IX веку наступило относительное спокойствие и единодушие.

Христианство появилось у славянских племен в начале X века после нескольких веков, прошедших с момента возникновения христианства и вобравших в себя многие тяжелые страницы его истории. Это начало водворе-

ния христианства среди славян Лилов называет счастливым, а плоды мудрых предначертаний апостолов славянских Кирилла и Мефодия — великими и изумительными. Великим он называет и значение славянских племен в христианской жизни. Вместе с христианством на славянскую землю пришло общегосударственное, духовно-нравственное, просветительное и в целом культурное развитие.

Излагая материал по тем или иным частным вопросам рассматриваемой проблемы, Лилов не выделяет Русь в какую-то особую графу. Он имеет ее в виду везде, где упоминает термины «славянские народы», «славяне», «славянское племя», но временами ссылается на примеры из русской истории. Так, говоря, что славянские народы, принимая христианское учение как законодательство жизни, стремятся тотчас же по его требованиям устроить свой быт, Лилов упоминает святого Владимира и его преемника Ярослава, которые первым делом дают весьма обширную власть духовенству в надзоре за жизнью народа. Жизнь общества, включая домашние и семейные отношения, принимает характер церковный. Или упоминая о стремлении славян при самом первом появлении их в истории к положительному законодательству и памятниках

общественного законодательства у болгар, сербов, хорватов, в том же ряду пишет, что Русь призывает к себе чуждых властителей только потому, что в ее обширной земле нет порядка, и делает вывод, что потребность мира, порядка, закона, редкая у других народов, произвела и то, что почти без всякого сопротивления славяне принимали чуждых властителей, как Русь варягов, придунайские славяне болгар и т. д. И, конечно, Лилов не может избежать разговора о России, а точнее о русском расколе, когда заводит речь об определенной части славян, оказавшихся приверженной иным религиозным верованиям, чем православие. И еще: отдавая дань влиянию на Россию классической греческой культуры, духовного наследия, созданного ее мыслителями в христианский период, влиянию других внешних факторов, Лилов пишет о собственном культурном потенциале славянских племен, в особенности Болгарии и России. Он защищает и славянскую историю, которую, по его мнению, нередко обедняют, но при всем этом не может избежать некоторой идеализации славянства.

Оценка Лиловым роли христианства в истории славянских племен совпадает с оценкой принятия христианства на Руси, прозвучавшей в дни празднования 1030-летнего юбилея этого

события и дней памяти князя святого Владимира, пышно отмеченного в июле 2018 года в России и странах, где имеются автокефальные православные церкви. Представители двух третей от пятнадцати автокефалий присутствовали на празднике в Москве. Поразил размах крестных ходов, прошедших в ряде стран в честь юбилея, особенно в многострадальной Украине, где, преодолевая всяческие препятствия, два с половиной миллиона человек прошествовали от Владимирской горки до Киево-Печерской лавры. В выступлениях главы РПЦ патриарха Кирилла, президента России В. В. Путина, представителей других автокефалий и в комментариях для СМИ ученых богословов звучало признание принятия христианства на Руси событием цивилизационного масштаба, говорилось, что мировоззренческий выбор святого Владимира предопределил судьбы славянских народов, сформировал характер людей. Крещение Руси называлось отправной точкой российской государственности, событием, даровавшим людям свободу выбора между добром и злом, способствующим единению народов, не раз спасавшему Россию в годину бедствий. Говорилось,

что христианство всегда учило состраданию, милосердию, благодарности Богу, способствовало развитию искусства, появлению его новых граней (иконописи), формировало общие традиции, культуру в целом, сопричастность общему деланию. Подчеркивалось, что вера объединяет поверх границ.

Лилов в середине XIX века тоже особо подчеркивал объединительную функцию христианства для славянских народов и предрекал христианству великое предназначение быть началом и основой духовно-нравственного развития славянских народов.

Однако Лилов формулирует свой прогноз в «сослагательной» форме, в форме вопроса, содержащего некоторый оттенок сомнения относительно ответа, но и очень большую долю надежды на положительный ответ. Он звучит так: не на славянской ли почве суждено достигнуть христианству предназначенной ему великой цели сделаться единственным началом духовно-нравственного развития народов? К сожалению, последующие 160 лет история не раз пыталась проверить эту надежду на прочность. И сегодня стрелка колеблется между положительным и отрицательным ответом на него из-за известных событий на Украине. Противоядием против опасности

раскола православия может быть только коллективное сопротивление большинства автокефальных православных церквей, поддерживаемых прогрессивной частью мирового сообщества.

1859 год был последним годом пребывания Лилова в Казани. В октябре этого года он подает прошение о выходе из духовного звания и спешно увольняется из академии, согласившись на занятие должности надзирателя в ставропольской гимназии. События последних месяцев пребывания Лилова в академии вели к этому исходу, но что его ускорило — нам неизвестно. Есть точка зрения, что Лилову было плохо в Казани, ее разделяет доктор философских наук В. А. Поль. С ней вряд ли можно согласиться. Знаменский прямо говорит, что академия лишилась «этого молодого, но уже видного своего деятеля по вине своего сурового начальника». Из проведенных в Казани лет (с 1852 по 1859 год) Лилов был большей частью, по словам Знаменского, «на своем месте», находился в центре всех происходивших в академии событий и был в числе первых, уважаемых и способных выполнять ответственные поручения сотрудников академии. События, происходившие в академии при ректоре Соколове, были направлены не против него

лично, они затронули многих, тоже очень уважаемых людей, заставив их уволиться, правда, потом вернувшихся обратно, как в случае Ильминского и Саблукова. Кстати, и прежние порядки вернулись в академию в 1865 году. Однако Лилов в Казань не вернулся. Он обосновался на Кавказе, в частности в Тифлисе, где прожил до 1890 года, занимаясь педагогикой, преподаванием древних языков, подготовкой издания в 1876 году учебника совместного обучения русского и латинского языка, написанием статей по различным проблемам — от расколоведения до этнографии — для ряда крупных журналов. С 1878 года (с момента открытия) до своей смерти он выполнял обязанности директора второй Тифлисской классической гимназии. Лилов многое сделал для организации педагогического процесса на Кавказе (с 1859 года он находился на службе министерства народного просвещения), и нам думается, что после номинации «ученый» во всех перечнях его характеристик должно обязательно стоять не просто «педагог», а почетное определение «Педагог Российской империи», пока встретившееся нам только в Википедии.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Википедия, https://ru.wikipedia.org/wiki/Лилов,_Александр_Ильич.**
2. **Знаменский П. В. История Казанской духовной академии за первый (дореформенный) период ее существования (1842–1870 годы) / [Соч.] П. Знаменского. Вып. 1. Казань: тип. Имп. ун-та, 1891.**
3. **Красносельцев, Н. Ф. Краткая история журнала «Православный собеседник» за 30 лет существования (1855–1884) / Сост. Н. Красносельцев. Казань: тип. Имп. ун-та, 1885.**
4. **Лилов А. И. О зловердных действиях езуитов в отношении к православной церкви в России в конце XVI и в начале XVII века : Сочинение студента Духовной Академии VI учебного курса Александра Лилова. Казань: тип. Губ. правл., 1856.**
5. **Лилов А. И. О так называемой Кирилловой книге: Библиографическое изложение в отношении к глаголемому старообрядству Александра Лилова. Казань: И. Дубровин, 1858.**

**ИЗ ИСТОРИИ КАЗАНСКИХ
ИКОНОПИСНЫХ МАСТЕРСКИХ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX–
НАЧАЛА XX СТОЛЕТИЯ**

Е.П. Ключевская

стр. 114 - 133

4

архив

Икона через
восприятие
живописца

архив

**Екатерина
Ключевская,**
ИСКУССТВОВЕД

Любая икона — неизбежно неполный образ Христа, Богородицы, того или иного святого: только сам человек является истинным образом самого себя.

Но каждый иконописец приобщался к Богу, узнал нечто о Боге через приобщение, в приобщении и запечатлел свой опыт на холсте или на дереве.

Каждая икона передает нечто абсолютно подлинное, но через восприятие конкретного иконописца.

Из истории казанских иконописных мастерских второй половины XIX – начала XX столетия

НА ОСНОВЕ выявленных архивных документов рассмотрены пять наиболее крупных иконописных мастерских, раскрыт комплексный характер их деятельности, показан репертуар работ, приведены сведения о их численном составе, участие в деятельности цехового общества, участие на научно-промышленных выставках, что позволяет конкретизировать историю церковного искусства Казанской епархии.

Казанская епархия, границы которой к XIX столетию были приведены в соответствие с границами губернии, включала 12 уездов, в том числе такие древние центры православия, как: Свияжский, Чебоксарский, Козмодемьянский, Ядринский уезды. В самой Казани, согласно Справочной книге Казанской епархии за 1909 год, числилось 64 храма, а также Архиерейский дом, четыре мужских и два женских монастыря. Все они нуждались в постоянном поддержании надлежащего благолепия, утрачиваемого в силу пожаров, ремонтных работ, естественного обветшания, не говоря о строительстве новых храмов, представляя собой поле деятельности для иконописцев, серебряников, иконостасных дел мастеров, сусальщиков, литейщиков колоколов.

Во второй половине XIX столетия иконопись повсеместно все более вытеснялась в область цехового ремесла. Казань стала крупным центром разнообразного ремесленного производства и торговли, и по степени их развития входила в пятерку крупнейших городов России. Однако до сих пор исследователи православного искусства, сосредотачивая свое внимание на самих памятниках, оставляют этот аспект темы малоизученным. (1). Основным источником сведений о казанских цеховых иконопис-

Тимофея Терентьевича Гагаевых. Ниже приводятся сведения лишь о пяти мастерских, которые наиболее полно раскрывают заявленную тему и отличаются степенью подробностей информации, содержащейся в архивах.

Мастерская Гагаевых, Терентия Ивановича и его сына Тимофея Терентьевича была одной из крупнейших в Казани. Об этом свидетельствует выявленный список работ мастерской, как в Казани, так и за ее пределами, а также привлечение самого Т. Т. Гагаева к экспертной оценке работ казанских иконописцев.

Первой, известной по архивным документам, работой Т. И. Гагаева в Казани стало написание икон для церкви вновь возведенного здания Казанской Духовной академии в 1848 году. Сохранившийся комплекс документов позволяет составить детальное представление об этой работе. В декабре 1846 года Строительный комитет при Казанской Духовной академии обратился в ремесленную управу с ходатайством об объявлении торгов на «устроение иконостаса» домово-академической церкви, что и было сделано управой. В Объявлении извещалось: «В следствии отношения строительного комитета при Казанской духовной академии от 28 сего декабря за № 435 вышеозначенным мастерам

крестьянин Терентий Иванов Гагаев...» (6).

Спустя несколько лет Духовная академия вновь обращалась к Гагаеву, о чем говорится в записке во внутреннее Правление Академии эконома иеромонаха Аркадия от 26 мая 1852 года: «В классических, жилых, больничных и других комнатах Академии до селе находятся иконы, взятые временно из Кафедрального собора. Но иконы сии до того ветхи и темны, что совершенно не соответствуют достоинству чествуемой святыни, посему не угодно ли будет Правлению Академии в замен этих икон в означенные помещения заказать живописцу Терентию Гагаеву написать новые иконы, как то, Христа Спасителя, Божью Матерь, святителей московских и казанских и прочих святых, всего до 15 икон, который соглашается написать по 3 рубля серебром за каждую» (7). Т. И. Гагаев написал 12 икон, которые и были приняты по акту, «члены внутреннего Правления нашли, что иконы написаны хорошо» (8).

Привлечение мастерской Гагаевых для написания икон в главные святыни города и епархии можно расценивать как ее безусловный авторитет в епархиальных кругах: в 1855 году были исполнены иконы в главный иконостас кафедрального Бла-

говещенского собора в «строго византийском стиле» (9). В 1867 году уже Терентий Тимофеевич Гагаев поновлял иконостас верней церкви Петропавловского собора, получив за эту работу 3300 рублей. В числе работ мастерской Гагаевых также иконы во вновь перестроенной Николо-Вишняковской церкви (1850-е), иконостас Сергиевской церкви Ложкинской богадельни, иконы иконостасов за клиросом и в трапезной Вознесенского храма (1867) (10). Для церкви Казанской Духовной академии у Т. Т. Гагаева на заказ была приобретена икона академического праздника (архистратига Михаила) за 14 руб. 28 S коп. (11).

За пределами Казани Т. Т. Гагаев написал 38 икон за 550 рублей для иконостаса Никольской церкви села Тавели-Никольское Мамадышского уезда, о чем упоминает протоиерей Е. Малов в «Историческом описании церквей г. Казани» (1891) (12). Согласно приходно-расходной книге Свяяжского Успенско-Богородицкого монастыря в 1861 году Т. Т. Гагаев исполнил две иконы св. Германа «для благословения от обители кому-либо из важных особ», за что ему было уплачено 6 рублей. (13).

Гагаевы владели недвижимостью в самом центре Казани. По сведениям «Памятной книги

Казанской губернии на 1863 год», мастерская размещалась на Проломной в собственном доме (14). Тот же адрес и состав мастерской: «мастер 1, работник 1, ученик 1» указан и в «Списке мастеров серебряного цеха казанского цехового общества 1870 г.» (15). Два одноэтажных дома Т. Т. Гагаева на Профсоюзной ул. №№ 40, 42 (ранее — Малая Проломная) сохранились до конца XX века и были внесены в список памятников архитектуры Казани (16).

Последняя дата упоминания имени Тимофея Терентьевича Гагаева, которую удалось выявить, — 1873 — 1874 годы. Тогда он был избран в состав специальной комиссии по рассмотрению росписей иконописца П. А. Пыпина во Владимирском соборе в Казани (17).

Неизвестно, когда мастерская Гагаевых прекратила свое существование. Имеется лишь косвенное свидетельство протоиерея Евфимия Малова, отметившего в своем «Историческом описании церквей г. Казани» (1884), что «теперь этой мастерской не существует».

Примечательной фигурой в среде казанских иконописцев был Петр Андреевич Ковалинский, из семьи польских переселенцев, высланных в Казань, живописи обучившийся у своего отца. По «Списку ремесленников серебря-

ного цеха 1898 года», известен адрес, по которому располагалась мастерская — на Проломной в доме Щетинкина, и поименный состав мастерской: подмастерья Василий Иванов Холодов, Степан Дмитриев Нефедов (будущий Эрзя), Федор Васильев Дмитриев; ученики: Яков Григорьев Вьюгин, Семен Селихов» (18). Мастерская исполняла заказы главным образом по уездам, ни одной работы Ковалинского в самой Казани выявлено не было. Мастерская расписывала новую церковь в с. Унжи, Богоявленскую церковь в Арске (1894), церковь в селе Можаров Майдан Курмышского уезда Симбирской губернии, левый придел в церкви Сергия Радонежского в Нижнем Услопе. В 1901 — 1902 годах П. А. Ковалинский исполнил иконы в двухъярусный иконостас Никольского храма Тулба-Новопоселенная Мамадышского уезда.

Как никакой другой мастер-иконописец П. А. Ковалинский стал известен как благотворитель: за значительные пожертвования во вновь построенную церковь с. Старый-Тумбы Ковалинскому в 1898 году ему была объявлена «архипастырская его Высокопреосвященства благодарность и преподано Божие благословение», сообщение о чем появилось на страницах «Известий по Казанской епархии». (19). В том же году Ковалинский пожертвовал в

содействовал В. И. Заусайлов, почетный блюститель училища, принявший на себя расходы по написанию икон в иконостасе и во всем храме общей стоимостью до 600 рублей. Все иконы известны по описанию церковного убранства на страницах «Известий по Казанской епархии» (1893. № 23). В 1896 году мастерская Семенова исполнила несколько икон для домового Благовещенской церкви Земледельческого училища. В 1899 году А. Е. Семенов состоял учителем живописи и рисования Казанской духовной семинарии. В 1902 году мастерская расписывала стены Борисоглебского храма в селе Борисоглебское Казанского уезда, за что было заплачено 1500 рублей. В 1902 – 1904 годах в его мастерской работал иконописец Георгий Анисимович Гришин, обучившийся в иконописной мастерской Троице – Сергиевой Лавры вместе с Морозовым, Федотовым, Ватутиным, Нестеровым. Они расписали Никольский кафедральный собор (1838, архитектор П. Г. Пятницкий) в г. Чистополь, Г. А. Гришин исполнил роспись плафона «Предвечный младенец» (26).

А. Е. Семенов успешно выступал на местных выставках: на Казанской ремесленной и сельскохозяйственной выставке 1886 года экспонировал 11 икон, 14 живописных жанровых и

вописи. Но сведения о нем самом крайне скупы и упоминание его в качестве подмастерья-иконописца — примечательный штрих биографии. Кроме мастерской А. Е. Семенова, как удалось выявить, работал также у Ф. Л. Лазарева (по сведениям на 1907 год). (32). Казанскую художественную школу окончил в 1922 году, дипломная работа — эскиз монументальной росписи Коммунистического клуба. Руководил живописно-малярной лабораторией, автор составитель «Программы практических работ, намеченных к проведению в живописно-малярной лаборатории в 1924/25 уч. г.». Член ТатЛЕФ (с 1925). Участник выставок с 1921 года. (33).

Воспоминания о Н. В. Пузанкове оставил К. К. Чеботарев, живописец и график, лидер казанских «левых», чьи произведения хранятся не только в казанских музейных собраниях, но и в Государственной Третьяковской галерее, особо отметив его не только теоретические знания, но и практические навыки: «Он изобрел очень оригинальную технику «цветной гипс», которая имела бы огромное значение для настенной монументальной живописи. [...] Поверхность гипса была с ошлифована до качества шлифованного мрамора. Получалось очень красиво по цвету, который светился и вибрировал». Но осуществить свои возмож-

ности в области монументальной живописи Пузанкову так и не удалось, отмечал К. Е. Чеботарев (34). Каких-либо работ Н. В. Пузанкова также не сохранилось.

О пребывании в мастерской А. Е. Семенова писал художник А. В. Фищев, чей путь в профессию начался именно с иконописной мастерской (35). В списках учеников мастерской 1897 года значилось еще одно примечательное имя, к тому же женское — Татьяна Сергеевна Геркен (1877 — ?), представительница многочисленного и разветвленного рода, внесенного во 2 часть дворянской родословной книги Казанской губернии, (36). Геркены состояли в родстве с Боратынскими, о чем неоднократно упоминает в своих воспоминаниях Ксения Николаевна Боратынская. Спустя три года в Казанскую художественную школу вольнослушательницей поступила младшая сестра Татьяны Сергеевны — Софья (37). Тяга к искусству и стремление получить практические навыки характеризуют представительниц привилегированного сословия поколения начала XX века, примеров чему масса в культуре России, в том числе и Казани (ученицей художественной школы была и Ксения Боратынская).

Одной из крупнейших мастерских, по сведениям на 1887 год,

по сумме оборотного капитала до 13000 рублей и числу рабочих — 8 работников и трех учениках, а также по широте рынка сбыта (Казанская, Симбирская, Пермская, Вятская губернии) была мастерская Сергея Яковлевича Спиридонова, существовавшая с 1867 по 1894 год, располагавшаяся на Проломной улице (38). Также как и мастерская А. Е. Семенова, она отличалась широтой репертуара производимых работ — иконы, стенные росписи, светская живопись, в том числе портретная, что свидетельствовало об определенном уровне профессионализма ее руководителя и мастеров.

По сведениям приходно-расходной книги Кизического монастыря, в 1878 году мастерская С. Я. Спиридонова исполнила икону большого размера св. мучеников Кизических. В 1891 году в память 200-летия монастыря поновлялся соборный храм, над реставрацией икон и святых изображений, а также и «по части орнаментировки окраски храма трудился Спиридонов», за что «взял 600 рублей». Еще одним крупным и ответственным заказом было исполнение икон «фряжского письма» для иконостасов вновь возведенной Воскресенской церкви (1890 год, архитектор Г. Розен): «все иконы в иконостасе писаны по дереву по золотому фону с чеканкою,

работа художественная», отмечалось в Главной описи Воскресенской церкви (39). В мастерской С. Я. Спиридонова исполнены иконы (местные и заклиросные) и стенная живопись в алтаре домового церкви св. Благоверного кн. Александра Невского при Александровской больнице (40). Согласно «Книге на расписку расхода денежных сумм и капиталов Казанской епархии Грузинской г. Казани церкви в 1893/5 гг.», С.Я. Спиридонов в 1894 году написал иконы во вновь выстроенный иконостас, а также «за исправление алтаря и стен средней части храма» получил тысячу рублей (41).

С. Я. Спиридонов имел несколько наград казанских научно-промышленных выставок: бронзовую медаль Казанской выставки 1880 года, малую серебряную поощрительную медаль Императорской Академии художеств за участие на Казанской ремесленной и сельскохозяйственной выставке 1886 года (42), большую серебряную медаль Казанской научно-промышленной выставки 1890 года «за иконопись, отличающуюся правильностью рисунка» (43).

Иван Архипович Фатьянов, иконописец из крестьян Владимирской губернии, получил в 1874 году от Казанской ремесленной управы Свидетельство на право

вилось наследственной семейной специальностью.

Иконописные мастерские были также первой ступенью в приближении к художественному образованию тех, кто в будущем мечтал продолжить образование в художественных школах и стать профессиональными художниками. Это подтверждают воспоминания художников Степана Нефедова (Эрзи), А. В. Фищева, творческая судьба Н. В. Пузанкова, Н. И. Фешина и др.

Владельцы мастерских в отдельных случаях являлись знатоками и коллекционерами древних икон, как, например, Н. М. Пухов, общение которого с Н. Я. Агафоновым, посещение заседаний Общества археологии, истории и этнографии само по себе удостоверяет широту интеллектуального кругозора и желания преодолеть узко цеховые рамки среды, к которой он принадлежал.

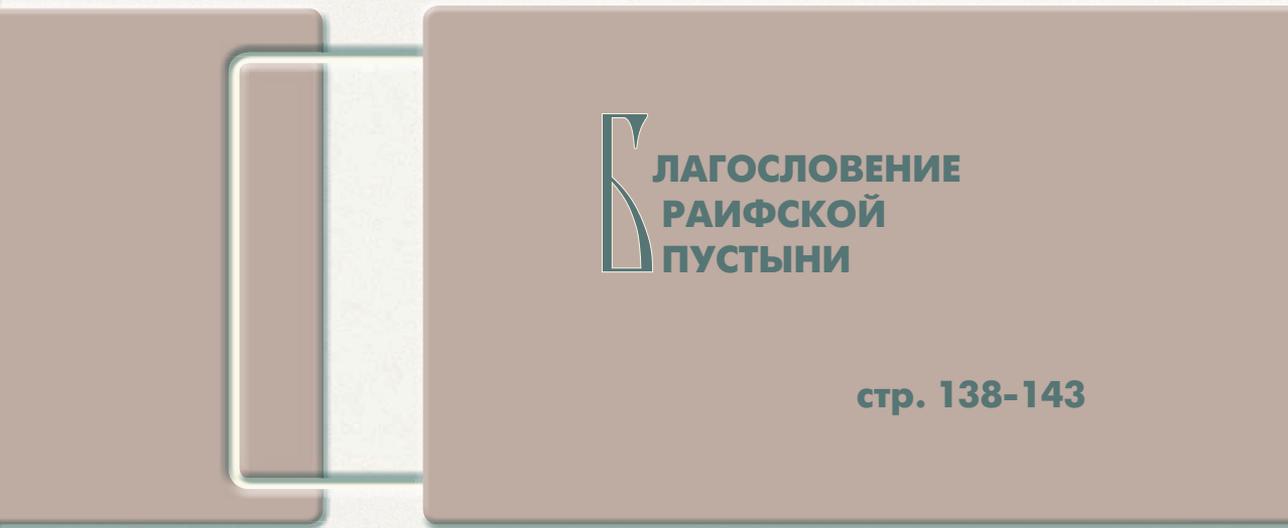
Наиболее компетентные и авторитетные мастера привлекались к аттестации мастеров, избирались на общественные цеховые должности. Известны факты пожертвований владельцами мастерских икон в храмы, и получения за это архипастырского благословения.

Как правило, мастерские располагались в центральной, торговой

Примечания

1. Частично этот материал нашел отражение в публикациях автора «Словарь казанских художников. Вторая половина XVI — начало XX века». (Санкт-Петербург, 2009) и статье «Казанская и Татарстанская епархия. Изобразительное искусство и художественная культура» (в соавторстве с М. А. Маханько) в «Православной энциклопедии». Т. XXIX. (М. 2012).
2. Галанин С. Ф. Казань и казанцы: реклама второй половины XIX века. — Казань, 2008. С. 112
3. НА РТ. Ф.10. Оп. 4. Д. 9. Л. 4
4. НА РТ. Ф.10. Оп. 4. Д. 9. Л. 13
5. НА РТ. Ф.10. Оп. 4. Д. 9. Л. 19—20
6. НА РТ. Ф.10. Оп. 4. Д. 9. Л. 22
7. НА РТ. Ф.10. Оп. 1. Д. 1152. Л.1
8. НА РТ. Ф.10. Оп.1. Д. 1152. Л. 2
9. Яблоков А. П. Кафедральный благовецкий собор в Казани. — Казань, 1909. С. 13
10. Историческое описание церквей г. Казани. Прот. Е. Малова. Вып. 1. — Казань, 1884. С.58, 59, 123
11. История Казанской Духовной академии за первый (дореформенный период ее существования (1842 — 1870—е годы). П. Знаменского. — Казань, 1892. С. 25
12. Историческое описание церквей г. Казани. Прот. Е. Малова. Вып. II Казань, 1891. С.301
13. НА РТ. Ф.237. Оп. 33. Д.1. Л. 56
14. Памятная книжка Казанской губернии на 1863 год. — Казань, 1862. С. 58
15. НА РТ. Ф. 377. Оп. 1. Д. 110. Л.56
16. Республика Татарстан: памятники истории и культуры. Каталог—справочник. — Казань, 1993. С. 191
17. Историческое описание церквей г. Казани. Прот. Е. Малова. Вып. 1. — Казань, 1884. С.67
18. НА РТ. Ф. 377. Оп. 1. Д. 166. Л. 13 об.
19. Известия по Казанской епархии. 1898. №1. С.5
20. Мордвинова А. И. Церковное искусство Чувашии. — Чебоксары, 2012. С. 153
21. НА РТ. Ф 377. Оп. 1. Д.185. Л.62
22. НА РТ. Ф, 377. Оп. 1. Д. 219. Л. 15 об.
23. Казанская ремесленная и сельскохозяйственная выставка 1886 года. — Казань, 1886. С.19

24. Каталог Казанской научно-промышленной выставки 1890 года, состоящей под покровительством его Имп. Высочества Государя Наследника цесаревича. Историко-этнографический отдел. — Казань. 1890. С.2, 14
25. НА РТ. Ф.377. Оп.1. Д. 115. Л.2
26. Елдашев А. М. Церковный иконописец Георгий Анисимович Гришин. — Казань. 2008
27. Казанская ремесленная и сельскохозяйственная выставка 1886 года. — Казань. 1886. С. 16
28. Каталог Казанской научно-промышленной выставки 1890 г. Ремесленный отдел. — Казань. 1890. С.54
29. Список наград, присужденных на Казанской научно — промышленной выставке 1890 г., состоящей под покровительством Его Имп. Высочества Государя наследника цесаревича. — Казань. 1890. С. 27
30. Ключевская Е. П. Образ «казанского антиквариума». Из истории одного портрета // Казань. 2009. № 9. С.38 — 39
31. НА РТ. Ф.377. Оп.1. Д.166. Л.13
32. НА РТ. Ф. 377. Оп.1. Д. 213. Л. 25 об.
33. НА РТ. Ф.1431. Оп.1. Д.43. Л.2; Д.64, л.18
34. Константин Чеботарев. Александра Платунова. Письма казанским корреспондентам. — Казань. 2018. С.426
35. Фицев А. В. Записки художника. — Горький, 1985
36. НА РТ. Ф. 377. Оп.1. Д. 163. Л. 9 об
37. НА РТ. Ф. 546. Оп. 1. Д. 85. Л. 3 об.
38. НА РТ. Ф. 377. Оп. 1. Д. 115. Л. 12 об
39. НА РТ. Ф.9. Оп. 130. Д. 4. С.39
40. Известия по Казанской епархии 1902. С. 1016 — 1024
41. НА РТ. Ф. 828. Оп. 1. Д. 23. Л. 22 об.
42. Казанская ремесленная и сельскохозяйственная выставка 1886 года. — Казань. 1886. С. 19
43. Список наград, присужденных на Казанской научно — промышленной выставке 1890 г., состоящей под покровительством Его Имп. Высочества Государя наследника цесаревича. — Казань. 1890. С.28
44. НА РТ. Ф.377. Оп. 1. Д.71. Л.33
45. НА РТ. Ф 377. Оп. 1. Д.89. Л.9об.
46. НА РТ, Ф. 377. Оп. 1. Д. 115. Л. 12 об.
47. НА РТ. Ф.377. Оп.1. Д. 163. Л.2
48. НА РТ. Ф. 377. Оп.1. Д.170. Л.81
49. НА РТ. Ф. 377. Оп. 1. Д. 115. Л.12 об.
50. НА РТ. Ф. 377. Оп. 1. Д. 185, Л.62
51. НА РТ. Ф. 377. Оп. 1. Д. 248, Л. 9 — 10

ЛАГОСЛОВЕНИЕ
РАИФСКОЙ
ПУСТЫНИ

стр. 138-143

ЖАЖДА ЧУДЕС

**Ольга Крестинина-
Романова**

стр.144-147

5
публицистика

СТРЯНИЦЫ
ИЗ ЛЕТОПИСИ
МОНАСТЫРЯ

РАИФСКИЙ ВЕСТНИК

Престольный праздник

и фский Богородицкий мужской монастырь, Райфский Богородицкий мужской монастырь, Райфский Богородицкий м

**Ольга
Крестинина-Романова,**
главный редактора
газеты «Раифский Вестник»

ПОЗВРАЩЕНИЕ ИКОНЫ Божией Матери «Грузинская» после десятилетий богоборничества состоялось на первом богослужении во временном храме вновь возрождаемой обители — 23 июня 1991 года. Богослужение возглавил епископ Казанский и Марийский Анастасий, собралось множество духовенства. Преосвященный предполагал торжественно с крестным ходом перенести икону из Казани и надлежащим образом к этому подготовиться. Поэтому он не думал привозить ее в Раифский монастырь на первую литургию. Перед самой поездкой во сне пришло решение не медлить с перенесением Ее пречистого образа. Икона была помещена сверху иконостаса и, во избежание кражи, ее накрепко прикрутили толстой проволокой. Когда епископ Анастасий сам поднялся по приставной лестнице наверх иконостаса, он, к общему изумлению, легко снял икону — она будто сама сошла к нему...

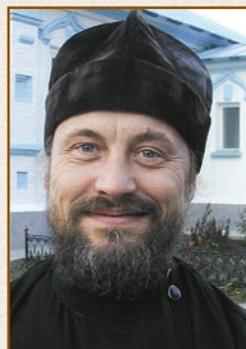
БЛАГОСЛОВЕНИЕ РАИФСКОЙ ПУСТЫНИ

2.06 Утреня (где заиграет) и Митрофан
Крестил одну девочку: Оливка, удерживаю
рзо удерживаю.
Крестил о. Всеволод за митр. Виссент
селова и о. Оливка и ехали в Раифу.
С Виссентом крестили на кароме, что
призвали до Липило. В Горы великом.
Обедение в реке и у реки в Раифе
ср. Анастасий. Умная ухота в атмосфере.
Величание поклоном,
поклоном в Горы.

23.06.01 Утренняя канонная служба
Утреня, поклоном по-за Крестом - Виссентом,
сказал как о Библейском происхождении
Липило. Миссия во главе Виссента, с Виссентом
Я отпустил Виссента и Зоярвоню мамашу.

Страницы
дневника
схиигумена
Сергия
(Златоустова)

**Из воспоминаний
наместника монастыря
архимандрита
Всеволода (Захаров):**

— После закрытия монастыря в годы богоборчества святыню обители сохранили, правда, до сих пор неизвестно, кто и каким образом перенес ее в храм Ярославских Чудотворцев в Казани, который находится на территории Арского кладбища. Церковь эта никогда не закрывалась. Образ Богородицы был поставлен в алтарь с обратной стороны иконостаса так, что икону просто было не видно, по существу, на самом верху...

В январе 1991 года монастырь был передан Православной Церкви. По благословию высокопреосвященного Анастасия, архиепископа Казанского и Татарстанского, развернулись работы по восстановлению Раифской Пустыни. Но необходимо было как можно скорее начать богослужения — таким образом получая благословение свыше всему процессу восстановления. Постарались побыстрее освободить помещение для временного богослужения в Грузинском храме, в котором еще совсем недавно был размещен клуб. До последнего момента мы не знали точно, что именно в день освящения обители и первого богослужения Чудотворный образ Богородицы, под покровом которой находился и находится монастырь по сей день, будет возвращена в свой родной дом.

...Трепет, радость и восторг испытывал каждый, кто был в этот знаменательный день на первом после многих лет забвения богослужении. Вернулась великая святыня заступница Раифской обители к которой и поныне приходят со словами благодарности, со своими тревогами и печальями, и от которой получают утешение...

День возвращения святыни, чудотворной иконы Божией Матери «Грузинская», останется в нашей памяти на всю жизнь как день великой радости и великой справедливости.

**Из воспоминаний
 насельник монастыря
 схиигумен
 Сергей (Златоустов):**

— В то время я нес послушание иерея в Нижних Вязовых в церкви Святой Троицы.

Вудучи первым постриженником Райфского монастыря. 22 июня приехали ко мне диакон из Гарей Олег и прихожанин Виктор Веселов, объявили, что завтра совершится первое соборное богослужение в Раифе, поэтому нужно как можно быстрее ехать в Гари, чтобы взять для богослужения облачения и успеть к всенощной в Раифу...

После вечернего богослужения мы вернулись в Гари, а утром вновь приехали в Раифу, на литургию. Во временном небольшом храме собралось очень много прихожан. Помню, что было настолько жарко и душно, что у владыки с бороды капал пот. Прибавьте к этому еще запах свежевыкрашенных стен... После литургии мне предложили прочитать проповедь... Затем все сошли вниз на улицу, где на расчищенной от мусора площади совершился молебен со водосвятием по большому чину. Во время молебна произошел удивительный для меня случай. Выяснилось вдруг, что у диакона под руками не оказалось требника. А я накануне, как выезжать из Нижних Вязовых, решил почему-то прихватить собственный старинный требник. И когда Владыка спросил: «А где же требник?» Я тут же быстро отдал свой. Так, вроде, и должно было быть... Диакон стал читать ектенью и по инерции «еще молимся о здравии его императорского величества...».

Владыка тут же одернул его, чтобы тот пропустил эти слова. Этот требник хранится у меня и будет отдан в будущий музей монастыря.

**Первый молебен
перед чудотворной
иконой Божией
Матери «Грузинская»
после возвращения,
1991 год**

Жаждя Чудес

ПОСЛЕДНЕЕ ВРЕМЯ часто можно видеть по телевидению: из края в край по России путешествуют чудотворные иконы, мощи святых, и везде они собирают длинные очереди желающих приложиться к ним.

Поверхностному взгляду это представляется чудом возрождения веры. Однако при рассмотрении в свете евангельском приходишь к иному выводу. Иеромонах Владимир (Овчинников) поделится своими мыслями на эту тему.

Вспомним хотя бы слова Христовы о том, что Сын Человеческий при втором пришествии вряд ли найдет веру на земле, следовательно, со временем число христиан должно уменьшаться. Далее вспомним, как бесчисленные чудеса самого Спасителя не умножили веру Его учеников, пока не сошел на них Дух Святой. Выходит, жажда чудес вызвана отнюдь не верой, как и во время жизни Христа. Да и сама реклама святых весьма приземлена: дескать, такая-то икона дает исцеление от таких-то недугов, а эта — от иных... Прибыла в известный город частица мощей известного священикомученика, и уже торжественно возвещается: теперь есть куда обратиться для защиты от колдунов!..

И сами люди из очередей к святыням обычно бесхитростно сообщают журналистам о цели их прихода: чтобы получить здоровье или чтобы хорошо жилось. Иначе говоря, все желают одного — избавиться от скорбей. Они не знают и не хотят знать, что Христос обещал Своим ученикам скорби на протяжении всего земного пути. И Он же заповедал Своим последователям искать спасения от скорбей в их терпении.

Но современные христиане имеют свою точку зрения, которую хорошо выразила одна моя знакомая: «А мы помолимся — и Бог все сдадет по-нашему!» Перед такой решимостью становится пустой наша главная молитва: «Да будет воля Твоя» Напротив, все эти длинные очереди как бы вопиют: «Мы все хотим терпеть воли Твоей! Мы отвергаем Твою заботу о введении нас в Царство Небесное! Мы хотим жить хорошо здесь и сейчас!» Потому так редки сообщения о чудесных исцелениях из этих очередей. Но зато каждый христианин приведет немало случаев сверхъестественного вмешательства в его жизни, которые свидетельствуют о ежеминутной заботе о нас нашего Создателя и Вседержителя.

— А как же отнестись к обычной практике — сопровождать свою просьбу к Богу обетом?

— Во многих случаях здесь заметно все то же стремление склонить Бога на свою сторону, настоять на своей воле. И обещают-то в случае исполнения своих желаний пожертво-

вать Богу (храму, монастырю) нечто настолько ничтожное, что, будь на месте Бога человек, постыдились бы предлагать ему такое воздаяние. Бывает, Бог склоняется на просьбу человека и безо всякого обета. Ибо Он при всяком явном сверхъестественном вмешательстве имеет одну цель: поддержать, укрепить веру человека и через это привести на путь спасения души. Чудо не может быть совершено исключительно для земных целей. Ведь Бог видит, когда совершение чуда не приведет человека к Нему, а значит будет только во вред душе, которая упорствует в безбожии. В истории человечества мы видим только один обет, на который Бог откликается всегда. Это — обещание посвятить свою жизнь Богу, чаще всего, через принятие монашеского пострига. Опять-таки само по себе такое обещание не может зародиться в душе, если Бог Сам не внесет его туда.

— Для чего же тогда появляется все больше чудотворных икон?

— Мы не можем постичь во всей полноте Промысел Божий, это не под силу никому человеку, как свидетельствует Антоний Великий. Однако можно до некоторой степени уяснить происходящее, если рассмотреть последовательность событий.

Справедливо замечено, что количество чудотворных икон растет. Если мы совместим сие с тем, что вера в человека неизменно уменьшается, то напрашивается следующий вывод: Бог умножает число свидетельств о Своем существовании. С другой стороны, есть чудотворения со стороны темной, бесовской силы. Эти чудеса не приводят ни ко Христу, ни к покоянию во спасение души, но удовлетворяют исключительно земным запросам людей. И всегда чудеса эти ложны, всегда люди, принявшие их, губят и душу, и тело. Губят душу принятием в нее бесовской силы, губят тело, поскольку любое исцеление бесовское — временное, затем здоровье катастрофически ухудшается.

Впрочем, это следует из происходящего ослаблением христианства. Человек отходит от Христа только в сторону сатаны, а больше и некуда. Тут сокрыта истина о человеке, который не силах удержать в себе Бога. Но мы настолько горды, что считаем возможным удержать Его своими действиями: поклонами, вычитыванием молитв, аккуратным посещением храма и т.д. Мы в гордости своей не хотим признавать себя совершенно бессильными, когда в нас нет Бога. Мы даже начинаем считать, что чудотворные иконы, частицы святых мощей и иные святыни действуют в нашу пользу помимо Бога, Который вездесущ. Удаляя Бога из своих сердец нашими нераскаянными грехами и нашей гордыней, мы ищем для удовлетворения наших пожеланий кривые пути, в обход Евангелия, чем и падаем во тьму адскую.

Поистине жалок человек, который называет себя христианином, а между тем живет исключительно земными целями и не хочет знать о пути к небесному блаженству, как и о пути в ад. Но и для него открыто все богатство неитождимого милосердия Божия. Само существование святынь говорит о том, что рай еще не затворен, что рука Божия отверста широко для всех, ищущих помощи Творца, что Матерь Божия, честные небесные силы бесплотные и все святые еще готовы заступиться за нас.

*Узбранец от всех родов, Божией Матери
и Мариие пред пречистым Ея образом, со умилением
хвалебная песня приносим: Ты же, яко илущая к роду
христианскому милосердие неизреченное, от бед и скорбей
избави всех нас Миле зовущих:
Радуйся, Невесто Невестная.*

ежегодное православное издание

**Издание представляет интерес
для широкого круга читателей**

Формат 170x240

Бумага

офсет и мелованная 90 г/м

Печать офсетная

Тираж 500 экз.

**Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленного
электронного оригинал-макета
в типографии ООО «Вертола»:
г. Йошкар-Ола, ул. Толстого, 45**

Заказ №

от 30.12.2018

© Раифский Богородицкий мужской монастырь.

Все права защищены.

Копирование, тиражирование и использование в любой форме посредством любых систем воспроизведения содержания Альманаха без письменного разрешения редакции не допускается.
